

*На правах рукописи*

**СИДОРЕНКО Мария Васильевна**

**ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ  
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕДУАЛЬНОГО ПРАВА**

Специальность: 12.00.09 – уголовный процесс

**Автореферат**

диссертации на соискание ученой степени

доктора юридических наук

**Москва – 2018**

Диссертация выполнена на кафедре уголовного процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет»

- Научный консультант:** доктор юридических наук, профессор  
**Семенцов Владимир Александрович**
- Официальные оппоненты:** **Даровских Светлана Михайловна** – доктор юридических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики,  
**Епихин Александр Юрьевич** – доктор юридических наук, профессор, ФГАО ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,  
**Потапов Василий Джонович** – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», директор Юридического института
- Ведущая организация:** ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Защита состоится 20 марта 2019 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 203.019.03, созданного на базе ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12), зал диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте (<http://diss.mosu-mvd.com>) ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя».

Автореферат разослан « \_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета  
кандидат юридических наук, доцент

А.А. Шишков

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** Последние четверть века векторы функционирования и развития российского права, правотворческих и правоприменительных органов государства предопределяются принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция РФ), возрастающей интеграцией России в международное правовое пространство, реализацией основных этапов судебно-правовой реформы 1991 г. и концепцией дальнейшего развития судебной системы России. За истекший период проделана масштабная работа по приведению российского уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в соответствие с Конституцией РФ, актами международного правового характера, с имплементированными в национальную правовую систему общепризнанными принципами и нормами международного права. Сегодня личность, гражданское общество, государство все более осознают ценность и практический смысл фундаментальной идеи верховенства права как основы не только поступательного развития, но и действительно оптимального функционирования важнейших государственных органов и личности, подлинно равной в правовом отношении с государством.

Одним из основных элементов принципа верховенства права и основным средством его функционирования является правовая определенность, которая все чаще характеризуется в доктрине и российским законодателем в качестве идеи общеправового, универсального характера, в той или иной форме проявляющей себя в каждой отрасли российского права, в том числе уголовно-процессуального. Более того, в силу специфики предмета правового регулирования последнего, субъектов и объекта его отношений, принудительной сущности основных юридических актов и их последствий для личности налицо потребность в исходной определенности, как в сути властных нормативных велений, так и в актах практической их реализации. Только диалек-

тическое взаимодействие определенности уголовно-процессуального закона и определенности практики его применения (динамики права) в состоянии обеспечить как высокое социально-нормативное назначение этой отрасли государственной деятельности, так и реальный баланс прав и правовых состояний в соотношении «личность – государство».

В настоящее время правовая определенность, как мировоззренческая правовая идея и оптимальное состояние правового государства и гражданского общества, пока не нашла должного рассмотрения в рамках ни общей теории права, ни сферы действия уголовно-процессуального права. Правовая доктрина едина лишь в том, что правовая определенность становится все более значимым фактором текущего и перспективного правотворческого и правоприменительного процесса. На этом единство суждений, как правило, заканчивается, ибо видовая принадлежность идеи правовой определенности, ее суть и особенно нормативное содержание в большинстве своем трактуются с различных позиций. Не каждый исследователь или субъект применения права в состоянии также привести в пример нормативные акты, в которых в части или исчерпывающе закреплены нормативное содержание правовой определенности или основные ее элементы.

В юридической литературе выделяются три основных направления в понимании этой фундаментальной идеи. Одни ученые не воспринимают правовую определенность как самостоятельный принцип российского права, считая, что она не носит самостоятельного характера; нельзя ее рассматривать и в качестве принципа, входящего в содержание более общей идеи верховенства права. Вторые, признавая фундаментальность идеи «правовая определенность», характеризуют лишь отдельные содержательные ее элементы. Третьи, все содержание этой идеи сводят к свойствам принципа *res judicata*, отмечая полное тождество их сути и содержания, как в правотворческой, так и в правоприменительной (в том числе уголовно-процессуальной) сфере.

Между тем нормативное содержание этой идеи должно трактоваться значительно шире, так как охватывает не только элементы искомой стабильности текущего нормативного регулирования или суть принципа *res judicata*, но и ясность, непротиворечивость системы права в целом, стабильность судебной практики, единство воли закона и правосознания публичных участников правовых отношений, их установок. Лишь при подобном подходе правовая определенность, как фундаментальная правовая идея, может обеспечить исходное нормативное свое назначение – **состояние** правовой стабильности личности, гражданского общества, правового государства.

Как следствие, налицо актуальная потребность в уяснении сути и социально-нормативного назначения идеи правовой определенности для статики и динамики российского уголовно-процессуального права. Столь же актуальна потребность в достоверном определении основных элементов ее содержания, исследовании их роли в общем механизме правового регулирования и в практической деятельности, именуемой уголовным судопроизводством России. Для формирования и обеспечения искомого состояния правовой определенности в Российском государстве и обществе значим также комплексный анализ основных причин и условий, в силу которых нередко нивелируется нормативная ценность права как наиболее действенного регулятора общественных отношений.

Все изложенное обусловило выбор предмета и направлений исследования, позволило сформировать его непосредственные задачи, позволило определить средства их достижения.

**Степень разработанности темы исследования.** При установлении видовой принадлежности идеи «правовая определенность» соискатель обращалась к работам таких ученых, как В.И. Анишина, Н.С. Бондарь, Я.М. Винокурова, А.Г. Гаджиев, И.М. Евлоев, Т.Н. Назаренко, Т.Н. Нештаева, А.П. Фоков, так как именно эти авторы заложили методологические основы ее понимания как принципа универсального, общеправового, фундаментального.

Нормативное содержание и основные элементы исследуемого принципа позволил выявить анализ позиций Т.М. Алексеевой, А.Т. Боннер, М.Н. Дмитриева, О.О. Журавлевой, С.В. Зайцева, А.Ю. Котова, С.В. Луцаева, Р. Массаладжиу, И.А. Покровского, М.В. Преснякова, И.В. Рехтиной, А.Р. Султанова, О.О. Сухаревой, Я.М. Шабалиной. При этом, естественно, принимались во внимание либо конституционные векторы большинства этих исследований, либо преимущественные характеристики содержания исследуемой идеи с позиций гражданского и гражданского процессуального права.

Применительно к сути уголовно-процессуального права России сущность и элементы идеи «правовая определенность» анализировались в контексте либо пробельности и коллизионности действующих правовых предписаний (А.В. Агутин, А.С. Александров, М.Т. Аширбекова, Ю.Ю. Берестнев, М.В. Виноградов, А.В. Волынская, А.Г. Волеводз, О.А. Галустьян, О.В. Гладышева, Б.Я. Гаврилов, Л.В. Головкин, В.Н. Григорьев, А.В. Ендольцева, О.А. Зайцев, О.В. Качалова, В.А. Лазарева, Ю.А. Ляхов, Л. Миннегалиева, О.В. Мичурина, Н.Н. Ковтун, А.В. Победкин, В.А. Семенцов, А.А. Тарасов, Т.В. Трубникова, О.В. Химичева, С.Н. Хорунжий, С.П. Щерба и др.), либо в контексте анализа сути содержания принципа *res judicata* – как правовой определенности окончательных актов суда. В последнем контексте автор акцентирует внимание на монографических исследованиях М.В. Мерзляковой (2008), С.М. Даровских (2011), В.А. Давыдова (2011), В.Д. Потапова (2012), Т.М. Алексеевой (2015), И.С. Дикарева (2015), А.С. Омаровой (2015), Т.Г. Бородиновой (2016), Д.Х. Геховой (2016).

В предмет научно-практического анализа включены также монографии, подготовленные авторским коллективом под редакцией Н.А. Колоколова и посвященные основным проблемам реформы контрольно-проверочных производств в российском уголовном процессе: «Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления» (М., 2011 г.) и «Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения» (М., 2015 г.).

Анализ определенности системы источников российского уголовно-процессуального права потребовал обращения к работам таких исследователей, как О.И. Андреева, В.П. Божьев, Л.А. Воскобитова, В.Н. Григорьев, А.В. Гриненко, Л.В. Головкин, Н.В. Ильютченко, К.Б. Калиновский, О.В. Качалова, С.И. Коновалов, В.И. Кононенко, В.А. Лазарева, П.А. Lupинская, Н.С. Манова, А.Д. Прошляков, С.Б. Россинский, А.В. Смирнов, Н.Г. Стойко, Т.В. Трубникова, И.Р. Харченко, О.В. Химичева, Ю.К. Якимович, Л.В. Яковлева и др. Проблемы иерархии форм выражения российского уголовно-процессуального права обусловили необходимость изучения позиций А.В. Безрукова, С.В. Бошно, Я.В. Гайворонской, К.Ф. Гуценко, Г.М. Даниленко, А.В. Малько и др.

Акты конституционного правосудия, как весомый элемент формирования определенности современного уголовно-процессуального права России, исследовались с учетом позиций таких ученых, как Н.В. Батуев, Н.В. Витрук, Г.А. Гаджиев, В.Д. Зорькин, В.О. Елеонский, Д.В. Карпов, В.В. Лазарев, Л.В. Лазарев, А.А. Малюшин, Н.М. Марченко, М.А. Митюков, Т.Г. Морщакова, В.А. Савицкий, С.В. Поленина, О.В. Романова, Б.А. Страшун, Е.Ю. Терюкова, Б.Н. Топорнин, Б.С. Эбзеев, Т.А. Хабриева и др. Основной контекст данного анализа: определенность юридической сути указанных актов, их роль и назначение в российском правовом регулировании, определенность правовых позиций и итоговых выводов высшего органа конституционного правосудия по одному и тому же предмету проверки.

При анализе правовой определенности актов Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), как составной части российского уголовно-процессуального права, анализировались итоги известной дискуссии о соотношении указанных актов с нормами Конституции РФ. Непосредственным предметом анализа послужили и законодательные новации относительно правил «имплементации» актов ЕСПЧ в сферу действия российского уголовно-процессуального права.

Потребность в уяснении определенности официальных актов толкования российского уголовно-процессуального права и судебных прецедентов (образцов применения права) обусловила включение в предмет исследования работ таких ученых, как С.С. Алексеев, Л.Б. Алексеева, М.И. Байтин, С.М. Даровских, В.В. Демидов, В.М. Жуйков, А.В. Кудрявцева, В.М. Лебедев, М.Н. Марченко, Т.Г. Морщакова, В.С. Нерсисянц, Н.В. Радутная, П.С. Элькин, М.С. Строгович и др.

Оценка этих источников в контексте заявленной к исследованию тематики позволила констатировать, что применительно к уголовно-процессуальному праву России категория «правовая определенность» комплексно не изучалась. Определенным исключением здесь является диссертационная работа И.С. Дикарева «Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования» (Волгоград, 2016 г.), где анализируется соотношение принципа правовой определенности окончательных актов суда (*res judicata*) и конституционного принципа обеспечения судебной защиты с позиций обновленного кассационного и надзорного производства России (гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ). Эта работа, безусловно, служит вкладом в изучение категории «правовая определенность», однако в принципе не исчерпывает ее содержания, что подтверждает актуальность реализованного нами исследования.

**Объектом исследования** является система уголовно-процессуальных отношений, обеспечивающих состояние правовой определенности и в целом верховенства права в государстве и обществе как необходимых детерминант формирования и оптимального функционирования подлинно правового государства и гражданского общества.

**Предметом исследования** выступают: система доктринальных положений о сути и нормативном содержании идеи «правовая определенность» в статике и динамике российского уголовно-процессуального права; система норм уголовно-процессуального права России, выступающих средством формирования и поддержания режима правовой определенности в сфере

функционирования уголовно-процессуального права России; динамика и акты реализации уголовно-процессуальных отношений, наиболее объективно характеризующие реальное состояние правовой защищенности личности, общества, государства в Российской Федерации.

**Цель диссертационного исследования** – разработка целостной, теоретически согласованной и эмпирически верифицируемой модели поступательного формирования режима (состояния) правовой определенности российского уголовно-процессуального права, как детерминанты оптимального функционирования и развития личности, российского общества и государства. Основы этой модели – система диалектически взаимосвязанных частных теоретических положений о сути, назначении, реальной системе элементов идеи и режима (состояния) «правовая определенность» в уголовном судопроизводстве России; о взаимосвязи и взаимообусловленности элементов этой идеи в статике и динамике российского уголовно-процессуального права.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих непосредственных исследовательских **задач**:

-выявлены и раскрыты суть и реальное (элементное) содержание идеи «правовая определенность», ее взаимосвязь и взаимообусловленность с более общим правовым принципом «верховенство права»;

-исследована реальная взаимосвязь нормативной неопределенности российского уголовно-процессуального закона и определенности непосредственно динамики права, определенности его итоговых актов, уголовно-процессуальных отношений и итоговых правовых состояний;

-подчеркнуто значение для определенности статике и динамики российского уголовно-процессуального права таких элементов, как правовая политика, правовая идеология, правосознание, установки субъектов применения уголовно-процессуального права, действующих *ex officio*;

-выявлена степень реальной сбалансированности иерархической системы источников российского уголовно-процессуального права как необходи-

мого фактора обеспечения его определенности и необходимого условия реализации социально-нормативного его назначения;

-раскрыты роль и значение в формировании состояния определенности российского уголовно-процессуального права актов конституционного правосудия; в том числе в плане «генезиса» правовых позиций и итоговых выводов высшего органа конституционного правосудия России относительно сущности и содержания основных норм и институтов российского уголовно-процессуального права;

-определены роль и значение в текущем уголовно-процессуальном регулировании и в формировании состояния правовой определенности функционирования российского государства и общества такого правового явления, как акты ЕСПЧ;

-раскрыты сущность и правовое значение для обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права «нормативных» разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и актов (прецедентов) высших судебных инстанций Российской Федерации – как эталонов применения права;

-проанализированы сущность и значение для обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права принципа *res judicata*, особенно в контексте его антиномии с конституционной идеей обеспечения судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц.

**Методология и методы исследования.** Методологической основой исследования послужил диалектический метод познания, а также общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, системный подход, позволившие объяснить диалектическую связь российского уголовно-процессуального права с такими факторами, как правовая политика, правосознание, установки публичных субъектов применения права. В целях полного и объективного раскрытия предмета исследования использовались специально-юридические методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, юридической интерпретации, логико-юридический, метод конкретных социологических исследований. В результате применения указанной методологии

получены новые знания о связях и закономерностях функционирования и развития уголовно-процессуального права России, перспективах его дальнейшего совершенствования.

Диалектический метод познания позволил определить сущностные характеристики категорий «правовая определенность», «коллизии», «дефекты», «правосознание», «правовая защищенность». Динамика развития уголовно-процессуального права, изученная на основе диалектического метода, позволила выявить, во-первых, исторические, социальные, политические, идеологические и иные факторы влияния на оптимальное содержание уголовно-процессуальных норм. Во-вторых, влияние тех же указанных факторов на реальное применение отмеченных норм в актах практического применения права. В результате стало возможным формирование целостной теоретической модели правовой определенности не только, и даже не столько собственно норм уголовно-процессуального права, сколько правовой определенности динамики данного права, проявляемой в реальных правовых отношениях, правовых состояниях, правовых актах. Именно на этом исходном посыле автором сформирован комплекс мер и предложений по достижению необходимого уровня правовой определенности в сфере функционирования российского уголовно-процессуального права.

На основании метода абстрагирования развитие уголовно-процессуального права рассмотрено в условиях, при которых степень определенности правовых предписаний имела максимальные значения и достигалась за счет формулирования правовых предписаний в законе. Посредством наложения реальных факторов на эти идеальные условия и с помощью методов анализа и синтеза получена реальная картина, выявлены существующие дефекты уголовно-процессуального законодательства в части определенности правовых предписаний. Сформулированы обобщенные представления о системе источников российского уголовно-процессуального права, их надлежащей иерархии, месте и роли в данной системе отдельных источников, а также актов объективации отдельных из форм выражения права.

Проведенный анализ позволил рассмотреть детали системы уголовно-процессуального права, его источников, отдельных уголовно-процессуальных норм, наиболее существенные аспекты правоприменения и правосознания, выявить закономерности их взаимосвязи, отразить степень правовой неопределенности и высказать суждения относительно разрешения теоретических, законодательных, практических проблем.

Синтез как метод научного познания позволил определить суть фундаментальной идеи «правовая определенность»; нормативное содержание этой идеи; сформировать представления относительно системы факторов, определяющих потребность в определенности статики и динамики российского уголовно-процессуального права; высказать суждения относительно временной и смысловой стабильности нормативного регулирования и основанного на нем процесса реализации правовых предписаний, формальной определенности действующих уголовно-процессуальных норм.

Системный подход позволил взглянуть на уголовно-процессуальное право, как на многоаспектный, целостный комплекс взаимосвязанных элементов и рассмотреть их функциональные и структурные связи. Системному исследованию подверглись источники (формы выражения) российского уголовно-процессуального права, что позволило высказать суждение о деструктивной роли отдельных из них (правовые нормы, правовая идеология, правовая политика, правосознание субъектов правовых отношений, их установки). Установлено наличие объективных связей данных элементов, формы их взаимодействия и векторы влияния на правовую определенность в целом уголовного судопроизводства России.

Сравнительно-правовой метод позволил обратиться к исследованию зарубежного законодательства, выделить позитивные и негативные факторы влияния на правовую определенность уголовно-процессуальных предписаний зарубежных государств, изучить средства обеспечения правовой определенности в зарубежных государствах и сформировать собственную позицию

относительно преюмственности и возможного использования в российских условиях из названных средств.

Посредством юридической интерпретации уточнены смысл и содержание отдельных уголовно-процессуальных правовых положений, способствующих их правовой определенности и четкости их уяснения правоприменителями, включая, в частности, нормативные правила кассационного, надзорного производства в уголовном судопроизводстве.

Формально-юридический метод позволил описать существующую ситуацию с правовой определенностью, как, собственно, в уголовно-процессуальном праве России, так и в целом в российском государстве и обществе; обобщить имеющиеся проблемы, подвергнуть их классификации и систематизировать полученные новые знания.

Методом конкретных социологических исследований получен комплекс результатов эмпирического характера, проведен их анализ, систематизация и обобщение.

**Нормативную основу работы** составили Конституция РФ, международные правовые акты Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Европы, акты Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, нормы российского уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальное законодательство некоторых иностранных государств.

**Теоретическая основа исследования** – монографические исследования по уголовно-процессуальному праву России и зарубежных стран, общей теории права, конституционному праву, международному праву, иным отраслевым юридическим дисциплинам. Избранный подход к научно-практическому анализу, предмет, методология и методы исследования впервые позволили:

- достоверно выявить суть и нормативное назначение идеи правовой определенности как определяющего элемента (более общего) принципа верховенства права; как важнейшего условия формирования в Российской Федерации правового государства и гражданского общества;

-выявить основные элементы исследуемой идеи в статике и динамике российского уголовно-процессуального права, их диалектическую взаимосвязь и взаимообусловленность в реальном механизме отраслевой правотворческой, регламентирующей, правоприменительной деятельности;

-осуществить комплексный анализ проблемной ситуации в сфере функционирования российского уголовно-процессуального права, кризисное состояние которого обусловлено не только, и даже не столько неясностью отдельных правовых предписаний, но и такими факторами динамики права, как негативное правосознание публичных участников правовых отношений, правовая политика, правовая идеология, правовые установки;

-провести комплексный, телеологически согласованный анализ содержательных элементов идеи и состояния правовой определенности российского уголовно-процессуального права, что позволило разработать целостную теоретическую модель формирования и обеспечения состояния (режима) правовой определенности, как в исследуемой области общественных отношений, так и в целом в государстве и обществе.

**Эмпирической базой исследования** являются результаты изучения и анализа практики Верховного Суда РФ, материалов уголовных дел, социологических опросов судей, прокурорских работников, следователей и преподавателей высших учебных заведений.

Автором проанализировано 255 кассационных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ и 75 постановлений Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных в 2014-2016 гг. и размещенных на официальном сайте Верховного Суда РФ; 242 кассационных производства по уголовным делам, рассмотренным президиумами областных и краевых судов Российской Федерации; 173 материала по кассационным жалобам, представлениям, в отношении которых судьями вынесены решения о возвращении их заявителям без рассмотрения или об отказе в их передаче для рассмотрения в судебном заседании президиумов указанных судов.

Изучено 65 постановлений и решений ЕСПЧ, 72 постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Проанализированы статистические данные о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, опубликованные на официальных сайтах Верховного Суда РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Опрошено 275 судей судов областного / краевого звена, судей кассационных составов Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ; 272 прокурорских работника, 115 следователей и 65 преподавателей высших учебных заведений.

Сбор эмпирического материала осуществлялся в Краснодарском и Ставропольском краях, Владимирской, Волгоградской, Ивановской, Курганской, Нижегородской, Новосибирской, Московской, Саратовской, Оренбургской и Рязанской областях, гг. Москва и Санкт-Петербург в период с 2012 по 2017 г.

**Научная новизна диссертации** заключается в том, что это одно из первых комплексных монографических исследований сути, назначения и нормативного содержания фундаментальной идеи «правовая определенность» применительно к правовым предписаниям, правовым отношениям, правовым состояниям и актам уголовного судопроизводства России. Путем телеологически согласованного теоретического анализа и эмпирической верификации основных элементов содержания данной идеи в статике и динамике уголовно-процессуального права доказано следующее:

-исходная неопределенность (дефект) закона не всегда является закономерным и определяющим фактором коллизионности в динамике его применения, ибо наличествующие дефекты воли закона во многом нивелируются надлежащим правосознанием и опытом публичных участников уголовно-процессуальных отношений, не порождая негативных последствий;

-определяющим фактором появления и нарастания коллизий в динамике российского уголовно-процессуального права и, как следствие, неопреде-

ленности актов применения права и правового состояния субъектов правовых отношений выступают деформированные правосознание и установки публичных субъектов применения уголовно-процессуальных норм, негативные факторы в публичной правовой и государственной политике, правовой идеологии и соответствующем административном воздействии на правовую систему;

-в российском правопонимании и правоприменении отсутствует определенность в осмыслении системы форм выражения уголовно-процессуального права. Как следствие, на практике коллизии однородных правовых предписаний решаются не на нормативной основе, а на основе актов внеправового характера, что не способствует определенности в указанной сфере правовых отношений, определенности соответствующих актов применения права и правовых состояний;

-коллизийным фактором неопределенности российского уголовно-процессуального права являются акты высшего органа конституционного правосудия в силу как изначальной неопределенности их юридической сути, так и все более проявляющейся несогласованности их правовых позиций и итоговых выводов по одному и тому же предмету проверки;

-акты ЕСПЧ, призванные формировать и обеспечивать определенность правовых отношений и состояний, не восприняты системой российского уголовно-процессуального права, не имплементированы системно в его содержание. Практика применения указанных актов носит избирательный, идеологически детерминированный характер, так как ее основной вектор – изначальное соответствие официальному политико-идеологическому «курсу»;

-правовая определенность, как искомое состояние права и как реальное правовое состояние личности, общества, государства требует уважения к сущности и следствиям идеи *res judicata*. Между тем данные суть и следствия фактически нивелированы доминированием в экстраординарных проверочных производствах уголовного судопроизводства России идеи публичной законности, вуалируемой декларациями о необходимости обеспечить реализа-

цию конституционного принципа судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Понятие принципа правовой определенности, под которым следует понимать самостоятельную, фундаментальную, общеправовую идею мировоззренческого характера. Ее нормативное назначение в формировании и обеспечении оптимального правового состояния (режима) стабильности и безопасности функционирования личности, общества, государства, проявляющегося, прежде всего, через потребность в стабильности отраслевого нормативного регулирования, стабильности изначально определенного статуса субъектов уголовно-процессуальных отношений; неколлизионности статике и динамике российского уголовно-процессуального права; ясности и предсказуемости последствий его применения.

2. Вывод о том, что нормативное содержание идеи правовой определенности в уголовном судопроизводстве России не может быть сведено ни исключительно к ясности и точности действующих предписаний закона (определенность закона), ни к сути и следствиям принципа *res judicata* (определенность окончательных актов суда). Реально оно проявляется через: а) потребность в стабильном правовом регулировании, в том числе применительно к различным формам выражения российского уголовно-процессуального права; б) потребность в определенности динамики уголовно-процессуального права; в) сущность и правовые следствия идеи *res judicata* – правовой определенности окончательных актов суда.

3. Обоснование потребности в стабильном уголовно-процессуальном регулировании, которое содержательно раскрывается через: относительную временную и смысловую стабильность текущего нормативного регулирования исследуемой отрасли общественных отношений и основанного на нем процесса реализации правовых предписаний; формальную определенность (ясность, точность, недвусмысленность, непротиворечивость) действующих уголовно-процессуальных норм; ясность, непротиворечивость в целом си-

стемы уголовно-процессуального права; точное иерархическое построение источников данной системы, позволяющее однозначно и властно решать негативные коллизии при конкуренции норм однородной и разной юридической силы.

4. Вывод о том, что динамика российского уголовно-процессуального права актуализируется не только через законные, обоснованные, справедливые акты применения этой отрасли права (индивидуальные нормативные правовые акты государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс), но и через содержательные элементы таких «спутников» права, как правовая идеология, правовая политика, правосознание субъектов уголовно-процессуальных отношений, их установки.

Формы объективации определенности российского уголовно-процессуального права проявляются через: единообразие в понимании и применении одних и тех же предписаний закона, как всеми судьями судебной системы России, так и иными публичными участниками правовых отношений; единство воли закона и ее отражения в правосознании и установках названных публичных субъектах; критерии устойчивости, неопровержимости, стабильности судебных и иных индивидуальных правовых актов (решений), принимаемых в ходе уголовного судопроизводства, и, соответственно, стабильности складывающихся на их основе правоотношений и итоговых правовых состояний.

5. Вывод о том, что сущность и правовые следствия принципа *res judicata* проявляются в окончательности и императивности актов суда, вступивших в законную силу; их непоколебимости и исполнимости; в потребности субъектов уголовно-процессуальных отношений предвидеть последствия своих актов, быть уверенными в постоянстве своего окончательно признанного судом статуса, изменение которого допустимо лишь при наличии к тому экстраординарных правовых оснований, ставящих под сомнение саму суть и назначение права.

6. Обоснование того, что неопределенность закона не есть тождество и условие неопределенности права; верховенство закона не есть тождество определенности права. Исходная неясность, неполнота (иные дефекты) действующих правовых предписаний – не всегда фактор неопределенности российского уголовно-процессуального права, так как отдельные дефекты закона закономерно нивелируются правосознанием и опытом публичных участников уголовного судопроизводства. В методологическом и практическом плане следует анализировать именно состояние неопределенности права, проявляемое через коллизии в динамике уголовно-процессуальных отношений, актов и правовых состояний. Реальные факторы этой неопределенности лежат не только в исходных дефектах воли закона, но и в правосознании, установках участников уголовного процесса, в правовой политике, правовой идеологии и т. д.

7. Вывод о том, что система источников (форм выражения) российского уголовно-процессуального права свидетельствует о состоянии неопределенности, как самой этой системы, так и отдельных ее элементов. Обуславливает это коллизионное состояние неопределенность: сути, содержания, роли в правовом регулировании общепризнанных принципов и норм международного права, их реального «места» в иерархии источников российского уголовно-процессуального права, средств их регулирующего воздействия на динамику этой отрасли права; иерархического «места» и роли актов ЕСПЧ в системе источников российского уголовно-процессуального права – как доминанты в текущем правовом регулировании исследуемых отраслевых отношений или источника, обладающего юридической силой акта, которым они ратифицируются, т. е. федерального закона; правил конкуренции норм единого кодифицированного уголовно-процессуального закона (УПК РФ) и норм иных федеральных законов, также содержащих «уголовно-процессуальные» нормы; «места» актов национального конституционного правосудия в уголовно-процессуальном правовом регулировании, которое нормативно не установлено в принципе. Являясь нормами «живого консти-

туционного права», эти акты либо располагаются на одной «горизонтали» с Конституцией РФ и также являются доминантой в текущем правовом регулировании, либо образуют особую группу источников, стоящих над нормами российского уголовно-процессуального права. Однако при этом возникают вопросы об их взаимодействии с Конституцией РФ и с «внутренней» системой уголовно-процессуальных источников; роли в правовом регулировании актов толкования Пленума Верховного Суда РФ, а также судебных прецедентов высших судебных инстанций России как императивных норм – эталонов применения права для коллизионных правовых отношений.

8. Вывод об исходной пробельности в определении юридической сути актов Конституционного Суда РФ и норм российского уголовно-процессуального права, их роли в отраслевом правовом регулировании. Автор приводит дополнительные аргументы в пользу того, что эти акты являются особой формой нормативных правовых предписаний. Вместе с тем нет оснований для констатации, что данные акты должны быть восприняты как «живые конституционные нормы». *Во-первых*, формирование указанных норм носит личностный характер. *Во-вторых*, известно, что содержание правовых позиций высшего органа конституционного правосудия есть результат субъективного акта познания норм Конституции; как следствие, нет гарантий, что при иных исходных условиях и иным субъектом познания данные нормы не будут познаны принципиально иначе, покажут иное «свое» содержание. *В-третьих*, нет оснований к тому, чтобы субъективные смыслы познания доминировали над иными формами выражения российского права. *В-четвертых*, существует потребность в исходной определенности легитимного предмета конституционной проверки, «нарабатываемого» самим органом конституционного правосудия. *В-пятых*, лишены легитимной основы публичные заявления об императивной силе указанных норм для иных ветвей государственной власти.

9. Обоснование несогласованности между собой ряда итоговых актов Конституционного Суда РФ по одному и тому же предмету. Они же вступа-

ют в противоречие с фундаментальными правилами толкования, выраженными в формулах: суды не должны изменять суть закона под видом его интерпретации; – смысл толкования закона состоит в том, чтобы убедиться в действительном намерении законодателя и усилить эффективность его реализации; суд обязан применять закон так, чтобы избежать возможности принять абсурдное решение. Как следствие, сущность правовой определенности вызывает потребность в формировании легального механизма, призванного, *во-первых*, проверять истинность актов Конституционного Суда РФ (предмет – их соответствие Конституции РФ); *во-вторых*, устранять коллизионность итоговых актов этого органа в системе уголовно-процессуального права.

10. Вывод о том, что из системы средств обеспечения режима правовой определенности устранены и акты ЕСПЧ. Публичные субъекты применения права явно выборочно обращаются к нормативным предписаниям этих актов в российском уголовно-процессуальном праве, но сюда «добавляются» еще векторы официальной политики, кардинально изменяющие акценты при решении вопроса о ценности и нормативном значении исследуемых средств правового регулирования для системы национального уголовно-процессуального права.

Нормативная ценность актов ЕСПЧ поставлена в зависимость от их оценки (на предмет «конституционности») Конституционного Суда РФ, который по своему усмотрению определяет, насколько правовые позиции органа наднационального правосудия соответствуют нормам Конституции РФ или правовым позициям самого Конституционного Суда. В результате налично конфликт между толкованием норм российского права высшим органом конституционного правосудия России и толкованием норм Европейской конвенции Европейским Судом. Причем в этом споре все более проявляются факторы не столько правового характера, сколько публичной политики и идеологии. В силу этого фактор субъективной избирательности «выбора» правоприменителями актов ЕСПЧ приобретает определяющую роль, нивелируя значение этих актов в российском уголовно-процессуальном регулирова-

нии. Выход из этой коллизии либо в безусловном следовании национальными субъектами применения права правилу «*pacta sunt servanda*», либо в официальной денонсации Российской Федерацией своих обязательств, связанных с ратификацией Европейской конвенции.

11. Вывод об имеющейся исходной неопределенности в однородных правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ; Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ; Пленума Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и актов ЕСПЧ; Пленума Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, актов ЕСПЧ и непосредственно прецедентов – эталонов применения права; судебных прецедентов одной и той же судебной инстанции по одному и тому же предмету.

Отсутствие единства в судебном толковании нивелирует не только состояние правовой определенности в государстве и обществе, но и суть и назначение права как регулятора; является скрытым коррупциогенным фактором; формирует нигилистическое отношение к праву. Налицо потребность в формировании такого порядка, когда единство правовых позиций по одному и тому же вопросу будет обеспечиваться совместными актами высших судебных инстанций; единство судебного прецедента – официальными актами (обзорами) Президиума Верховного Суда РФ. Изменение нормативных подходов к сути коллизионной нормы или к практике ее применения – легальное основание для потенциального пересмотра итоговых актов суда по воле заинтересованных лиц (гл. 49 УПК РФ).

12. Оценивая *res judicata* как потребность в обеспечении определенности сущности и следствий окончательных актов суда, автор отмечает вред абсолютизации этого принципа в действующей процедуре кассационно-надзорной формы проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ). Кроме того, налицо его антиномия с сущностью конституционного принципа обеспечения судебной защиты прав заинтересованных лиц. Единственно возможным средством разрешения как указанной антиномии, так и задач экстраординарной формы проверки является поддержание подлинного баланса гарантий реализации

каждого из этих принципов. Основными элементами данной системы гарантий являются: ограниченный предмет кассационно-надзорной формы проверки; ее пресекательные сроки; процедура предварительного изучения жалобы или представления для выявления реального наличия кассационно-надзорных оснований; особые полномочия Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей); правила итогового голосования судей; ревизионное начало проверки; инстанционность; исключительные основания к опровержению сути идеи *res judicata*.

13. Вывод о недостатках кассационно-надзорной формы проверки судебных решений, которые выразились в следующем: прослеживается тенденция к включению в предмет кассационно-надзорной формы проверки не только законности окончательных актов суда, но и фактической их обоснованности, справедливости. Эти же векторы, по факту, закреплены в правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ, в актах – прецедентах высших судебных инстанций; в силу «нормативных» разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и последующих новаций (Закон № 518-ФЗ) фактически нивелирована суть пресекательных сроков экстраординарной кассационно-надзорной формы проверки, отмены, изменения окончательных актов суда; процедуры и итоги предварительного изучения жалобы, представления, имеющие назначением выявление существенных, фундаментальных оснований для инициации процесса кассационной или надзорной проверки, по существу модифицированы в ординарное средство выявления всех нарушений закона, в том числе тех, которые отнесены к фактической стороне проверяемых окончательных актов; в таком же публичном контексте проявляются полномочия Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей) по отмене «отказных» постановлений судьи, предварительно изучавшего жалобу, и административной инициации процесса экстраординарной проверки по существу; ведомственным правосознанием и установками высших должностных лиц судебной системы преодолен запрет на проверку повторных или новых кассационных жалоб, поданных по тем же или иным основаниям, теми же или иными

кассаторами в тот же суд кассационной инстанции (ст. 401.17 УПК РФ). В судах кассационной инстанции нарабатывается сугубо инициативная практика их повторного рассмотрения лишь в силу властных решений председателей соответствующих судов; правосознанием судей и установками высших должностных лиц судебной системы суть оснований преодоления принципа *res judicata* модифицирована таким образом, что в качестве легальной основы отмены / изменения окончательных актов суда являются любые нарушения закона; ревизионное начало кассационной, надзорной проверки используется в качестве ординарного средства для выявления любых нарушений закона и инициации отмены, изменения окончательных актов суда в интересах публичной правосудности приговора и единой публичной законности; в таком же контексте уголовно-процессуальная доктрина обосновывает: потребность в «уточнении» правил голосования в суде кассационной, надзорной инстанции при равенстве голосов судей по вопросу *pro et contra* отмены окончательных актов суда; легальную целесообразность установления в процессуальной форме проверки неоднократности (инстанционности) процесса исправления всех возможных нарушений закона.

14. Вывод о нивелировании принципа *res judicata*, его подавлении принципом публичной законности, который лишь вуалируется декларациями о примате конституционного принципа обеспечения максимальной судебной защиты. В этой связи обоснована необходимость внесения системных изменений и дополнений в нормы п. 5 ч. 1 ст. 401.4, ст. 401.8, ст. 401.15, ч. 5 ст. 401.16, ст. 412.5, ст. 412.12 УПК РФ, принятие которых сможет реально обеспечить искомый баланс гарантий *res judicata* и конституционного принципа судебной защиты.

**Теоретическая значимость** работы определяется тем, что сформулированные в ней положения комплексно объясняют сущность, назначение и нормативное содержание принципа правовой определенности российского уголовно-процессуального права. Система отстаиваемых автором констатаций и предложений позволяет на новом теоретическом уровне объяснить и

прогнозировать закономерности функционирования российского уголовно-процессуального права, как в целом, так и применительно к судебно-контрольным его производствам.

Примененный автором комплексный подход позволил раскрыть систему взаимосвязей и взаимозависимостей между такими элементами состояния правовой определенности, как определенность закона и определенность права, правосознание участников правовых отношений и коллизии динамики права, правовая политика и правовая идеология как факторы искажения воли закона и соответственно актов объективации динамики права.

Сформированная и обоснованная автором система теоретических выводов и положений может стать основой как для дальнейших исследований категории «правовая определенность» и объективно соответствующего ей правового состояния общества и государства, так и средством оптимизации системы российского уголовно-процессуального права. Причем как в плане реализации основных положений судебно-правовой реформы в Российской Федерации, так и в контексте обеспечения состояния правовой определенности формирующегося правового государства и гражданского общества.

**Практическая значимость исследования** заключается в том, что разработанные теоретические положения, практические рекомендации и предложения позволили: *во-первых*, определить сущность и нормативное назначение правовой определенности в механизме российского правового регулирования, в статике и динамике российского уголовно-процессуального права;

*во-вторых*, уяснить ее основные элементы, их взаимосвязь и взаимообусловленность, роль и значение для обеспечения режима правовой определенности в сфере уголовно-процессуальных отношений, правовых состояний и актов; *в-третьих*, вскрыть реальные причины во многом коллизионного состояния российского уголовно-процессуального права в современный период, обосновать систему мер по оптимизации этого направления государственной деятельности, повышению ее исходного потенциала.

Изложенные в работе положения могут быть использованы в преподавании учебной дисциплины «Уголовный процесс» и иных дисциплин уголовно-правового цикла, в законодательной деятельности Российской Федерации.

Обоснованный в диссертации вывод о том, что сущность и содержание категории «правовая определенность» не могут быть сведены исключительно к сущности и следствиям правила *res judicata* или к ясности и точности норм (предписаний), позволяет принципиально по-новому взглянуть на роль и значение иных элементов этой идеи в правотворческом и правоприменительном процессе.

**Достоверность результатов исследования** обеспечена использованием научно обоснованной и апробированной методики анализа и обобщения репрезентативной выборки эмпирических данных, факторами географии их сбора и темпоральными характеристиками реализованного исследования. Верифицируемость основных положений, итоговых выводов и рекомендаций исследования подтверждается их апробацией.

**Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.** Основные теоретические положения, итоговые выводы, рекомендации и предложения, изложенные в работе, докладывались на заседании кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, отражены в 2 монографиях, а также в 51 научной статье, в том числе в 2 статьях, опубликованных в журналах, входящих в международную реферативную базу данных и системы цитирования (Web of Science (ESCI)), в 30 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Итоговые положения и предложения автора докладывались и обсуждались на международных, всероссийских и межвузовских конференциях: «Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности» (Всерос.

науч.-практ. конф. с междунар. участием. Краснодар, 2018), «Конституционная реформа и модернизация общественного сознания (Междунар. науч.-практ. конф. в рамках Сапаргалиевских чтений. Алматы, 2018), «Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан» (Междунар. науч.-практ. конф. Караганда, 2018), «Уголовное судопроизводство: стратегия развития» ((II ежегод. Всерос. конф. Москва, 2017), «Эволюция государства и права: история и современность» (II Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2017), «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2017» (XIX Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2017), «Проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и судебной экспертизы в современном мире» (Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017), «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности» (Междунар. науч.-практ. конф. Новороссийск, 2016), «Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства» (Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 55-летию доктора юридических наук, профессора О.А. Зайцева. М., 2016), «Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования» (Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 50-летию доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко. М., 2016), «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2016), «Право, наука, образование: традиции и перспективы» (Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 85-летию образования Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2016.), «Проблемы эффективности права в современной России» (Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016), «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2016» (XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2016), «Современные проблемы уголовной политики» (VI Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015), «Развитие права: актуальные проблемы и перспективы» (Всерос. науч.-практ. конф. Моздок, 2015), «Актуальные проблемы уго-

ловного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии» (Международ. науч.-практ. конф. М., 2014).

Основные положения и выводы исследования внедрены в учебный процесс Балтийского федерального университета им. И. Канта, Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, Кубанского государственного университета, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), а также в практическую деятельность Краснодарского краевого суда и Ставропольского краевого суда.

**Структура диссертации** обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, шести глав, разбитых на 12 параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

## СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, определяются предмет, цель и непосредственные задачи исследования, раскрывается методология и методы научно-практического анализа, его нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, обосновывается научная новизна основных положений работы, ее итоговых выводов, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, обосновывается достоверность результатов, указываются сведения об апробации и внедрении результатов исследования, о структуре диссертации.

**Первая глава** диссертации – **«Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: теоретические и правовые основы»** включает в себя два параграфа.

*В первом параграфе – «Правовая определенность как фундаментальная общеправовая идея: понятие, сущность и назначение»* – исследованы видовой природа, сущность и назначение принципа «правовая определенность» в правовом регулировании, раскрыты элементы содержания этой идеи, указана их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Обращаясь к анализу монографических работ, изданных за последние годы, и периодических изданий юридического характера, автор констатирует неопределенность в вопросе о видовой принадлежности избранной к анализу категории – правовая определенность, которая, с одной стороны, рассматривается не более, чем элемент содержания более общей идеи верховенства закона (А.Г. Гаджиев, Т.Н. Нештаева и др.). С другой – характеризуется как важнейший международный и конституционный принцип, как принцип общеправовой (В.И. Анишина, Т.Н. Назаренко, Я.М. Винокурова). Одновременно правовая определенность именуется универсальным критерием качества либо закона, либо в целом права (В.И. Анишина). В то же время послед-

нее отрицается исследователями, указывающими на принципиальное различие для области права категорий «критерий» и «принцип» (И.М. Евлоев, А.П. Фоков).

Автор обосновывает выводы, согласно которым правовая определенность проявляет себя в качестве самостоятельной, фундаментальной, универсальной идеи общеправового характера, взаимосвязь которой с идеей «верховенство права» вполне объяснима с позиций диалектики категорий «средство» и «цель». Назначение исследуемой категории видится в том, чтобы обеспечить состояние стабильности и безопасности функционирования личности, гражданского общества и правового государства через стабильность изначально определенного статуса участников правовых отношений, неколлизионность динамики указанных отношений, ясность и стабильность актов применения права.

В диссертации выделяются три основных подхода к пониманию нормативного содержания правовой определенности. *Первой группой* ученых идея правовой определенности либо не воспринимается в качестве самостоятельного принципа российского права, при этом отрицается и то, что она является элементом содержания принципа «верховенство права» (М.В. Пресняков), либо эта идея все же признается как элемент более общей идеи верховенства права (А.Т. Боннер, О.Ю. Котова). *Вторая группа* объединяет исследователей, признающих ценность исследуемой идеи, но характеризующих лишь отдельные элементы ее содержания (Г.А. Гаджиев, А.А. Зорин, Н.Н. Ковтун, С.В. Луцаев). *Третья группа* ученых однозначна в итоговом выводе: *res judicata* есть единственное и исчерпывающее выражение идеи «правовая определенность» (Т.М. Алексеева, Ю.Ю. Берестнев, М.В. Виноградов, В.А. Давыдов, И.С. Дикарев).

По итогам критического анализа приведенных позиций автор обосновывает вывод, согласно которому содержание принципа «правовая определенность» наиболее полно и целостно объективирует себя через: (1) потребность в стабильном правовом регулировании; (2) потребность в определенно-

сти динамики права; (3) сущность, содержание и нормативные следствия идеи *res judicata*.

С таким выводом согласны и опрошенные нами судьи кассационно-надзорных инстанций судов общей юрисдикции судебной системы Российской Федерации. Так, подавляющее большинство из них уверены в том, что все нормативное содержание данной идеи должно быть сведено к ясности, точности, полноте наличествующих правовых предписаний (76 % опрошенных судей президиума областного суда; 82% опрошенных судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ); к стабильности текущего нормативного регулирования (84 % опрошенных судей президиума областного суда; 75% опрошенных судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ); к стабильности и незыблемости окончательных актов суда (47 % опрошенных судей президиума областного суда; 65% опрошенных судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ); к единству и стабильности судебной практики (72 % опрошенных судей президиума областного суда; 76% опрошенных судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ).

*Во втором параграфе – «Правовая определенность статики и динамики российского уголовно-процессуального права»* – раскрыто реальное состояние определенности статики и динамики российского уголовно-процессуального права.

Обращаясь к стабильности системы российского уголовно-процессуального права, проявляемой через критерии устойчивости и предсказуемости текущего нормативного регулирования, автор подвергает критике представителей российской доктрины, негативно характеризующих факт более чем многочисленных изменений в текст УПК РФ, внесенных с момента принятия этого акта. *Во-первых*, в силу того, что количественные «показатели» не являются определяющими в этом моменте. *Во-вторых*, большинство изменений были направлены именно к обеспечению определенности российского уголовно-процессуального права. *В-третьих*, для определенности пра-

ва важна качественная сторона изменений, а не перманентные «волны» законодательного спама, инициируемые субъективной заинтересованностью определенных субъектов. *В-четвертых*, предметом исследования является правовая определенность функционирующего уголовно-процессуального права России, а не анализ его состояния в той или иной временной ретроспективе. УПК РФ, как и ранее, оставляет широкие возможности для его критики, так как при буквальном применении первых его статей, содержащих контексты настолько двусмысленных предписаний, коллизионность правовых отношений и правовых состояний возрастает многократно.

Автором обосновывается вывод о том, что наличествующая неопределенность закона – не есть императив неопределенности права. С таким выводом согласны 44% опрошенных нами судей президиумов областных судов и 67% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. Как следствие, предмет анализа – именно состояние коллизии, складывающейся в результате неоднозначного изложения, понимания, субъективной интерпретации и, соответственно, применения тех или иных предписаний уголовно-процессуального права. Причем для задач и целей исследования не принципиально то, что эта коллизия «создана»: (а) непосредственно «негативным» текстом закона, который отражен в длительных, нарабатываемых как закономерность, коллизионных правовых отношениях и актах применения права или (б) негативным правосознанием и установками публичных субъектов применения права и, соответственно, актами проявления указанных факторов в практической сфере – при конвенционально наличной ясности, точности, стабильности имеющихся правовых предписаний.

В диссертации анализируются конкретные примеры, когда правовая коллизия является следствием либо реального изъяна наличествующих правовых предписаний, либо «дефекта» правосознания отдельных субъектов уголовно-процессуальных отношений, либо кумулятивным эффектом «наложения» выше указанных факторов.

На взгляд автора, система российского уголовно-процессуального права в настоящее время находится в состоянии кризиса, характеристики которого, прежде всего, выражены через потребность в определенности статики и динамики этой отрасли российского права. При анализе следствий этого кризиса тревожит и то, что к изъятиям собственно предписаний закона весомо «плюсуются» такие субъективные факторы, как правосознание и нигилистические установки публичных субъектов применения права; когда ясная воля закона или его легальная в целом дискреция субъективно «преобразуются» в такую правовую реальность, которая не соответствует ни букве и духу закона, ни потребности в праве, как регуляторе. В итоге, в наличии реальность, когда акты применения права служит лишь средством «ведомственного» представления о сущем и должном в той или иной области общественных отношений; когда реальное состояние государства и общества не может характеризоваться как состояние правовое, определенное.

**Вторая глава диссертации – «Правовая определенность источников (форм выражения) российского уголовно-процессуального права» – включает в себя два параграфа.**

*В первом параграфе – «Понятие, система и иерархия источников российского уголовно-процессуального права» – осуществлен теоретический анализ суждений российской уголовно-процессуальной доктрины о системе и иерархии источников исследуемой отрасли права.*

Проведенное исследование позволило определить следующую систему проблем относительно избранного предмета анализа:

- при определении системы форм выражения российского уголовно-процессуального права одни из ученых считают принципиальным определяться в строгой иерархии источников этой системы (Н.Н. Ковтун, Ю.К. Якимович); другие, предлагают их понимание в достаточно свободной, «повествовательной» форме (П.А. Лупинская, Н.С. Манова, Н.Г. Стойко, Л.В. Яковлева, И.Р. Харченко);

- включая в анализируемую систему общепризнанные принципы и нормы международного права, и признавая их приоритетной частью этой системы, лишь отдельные из авторов указывают на то, о каких именно принципах идет речь (А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский, А.И. Бастрыкин, А.А. Усачев). Ни в теоретическом, ни в методическом плане в большинстве своем не поясняется: какое «место» в иерархической вертикали отведено этой форме выражения права; посредством какого метода решаются проблемы соотношения указанных принципов с предписания Конституции Российской Федерации. Не видится оправданным и включение в эту подгруппу, как Европейской конвенции, так и актов ЕСПЧ (П.А. Lupинская, Ю.К. Якимович);

- с методологических и практических позиций большинством авторов не разрешена проблема соотношения в исследуемой иерархии норм Европейской конвенции (1950 г.) и Конституции РФ. Акцентирующее суждение, согласно которому в случае противоречия норм, содержащихся в Конвенции, нормам, установленным во внутреннем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, применению подлежат нормы Конвенции (Ю.К. Якимович, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский), как минимум, не отвечает на два принципиальных вопроса: (а) включает ли внутреннее законодательство России нормы непосредственно конституции? Или нормы этого акта не могут быть отнесены к указанной группе? (б) если Конституция РФ не является доминантой внутренней системы источников российского права и находится над ней, каким образом нормы этого акта включены в механизм национального правового регулирования;

- нет ясности в форме выражения права, призванной быть доминантой для внутренней системы источников российского уголовно-процессуального права. На роль этой доминанты одновременно «определяются» и международные договоры межгосударственного характера (А.В. Гриненко), и собственно конституция, и федеральные конституционные законы, что добавляет определенности уголовно-процессуальному праву;

- отсутствует определенность в вопросе о конкуренции в правовом регулировании норм кодифицированного уголовно-процессуального закона и норм иных федеральных законов, регламентирующих отдельные стороны уголовно-процессуальных отношений. Для одних ученых (В.П. Божьев, П.А. Lupинская, Ю.К. Якимович) приоритет кодифицированного источника уголовно-процессуального права является безусловным. Другими – приняты во внимание правовые позиции определения Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О, принципиально иначе расставляющие акценты и доминанты в этом практически значимом вопросе;

- коллизионной формой выражения этой отрасли права служат акты высшего органа конституционного правосудия. По юридической сущности последних одновременно высказаны позиции: (а) об их максимально значимой роли для уголовного судопроизводства России; при этом вне их характеристики как источников исследуемой отрасли права (В.И. Кононенко, П.А. Lupинская); (б) о недопустимости рассмотрения этих актов в качестве источника российского права (В.П. Божьев, С.Б. Россинский); (в) о признании формой выражения права итоговых постановлений высшего органа конституционного правосудия, но не определений (А.В. Смирнов, К.Б. Калининский); (г) о признании этих актов в целом процессуальными нормами – источниками права (Н.В. Ильютченко, Н.Н. Ковтун, А.Д. Прошляков);

- отсутствует также определенность в вопросе о том, насколько верно считать самостоятельной группой источников уголовно-процессуального права такие подзаконные акты, как нормативные указы Президента РФ, Постановления Государственной Думы РФ, постановления Правительства РФ. Между тем, ряд исследователей считает необходимым включение названных актов в исследуемую систему (Н.В. Ильютченко, Н.Н. Ковтун, В.И. Кононенко, А.Д. Прошляков, С.Б. Россинский);

- различны подходы к определению юридической природы и роли в правовом регулировании, как «нормативных» разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, так и прецедентов высших судебных инстанций – эталонов

применения права. Указание на их весомую роль для практической сферы уголовного судопроизводства России, константа суждений большинства ученых; юридическая природа – предмет дискуссий. Для одних авторов это легитимная форма выражения уголовно-процессуального права (В.И. Кононенко); для других, эти «новации» – неприемлемы в принципе (Н.В. Ильютченко, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский, Н.С. Манова, А.Д. Прошляков, С.Б. Россинский).

*Во втором параграфе – «Практические коллизии форм выражения (источников) российского уголовно-процессуального права»* – исследуются практические коллизии, связанные с неопределенностью системы и иерархии источников российского уголовно-процессуального права.

В настоящее время доктриной (В.П. Божьев, К.Ф. Гуценко, Г.М. Даниленко, В.Т. Томин) все более нивелируются авторитет и роль в правовом регулировании общепризнанных принципов и норм международного права, как формы выражения воли большинства государств – членов мирового сообщества. В позициях, к примеру, Ю.К. Якимовича и Т.В. Трубниковой, перечень и суть каждого подобного принципа, – как общепризнанного, – должна определяться Конституционным Судом РФ. Насколько Генеральная Ассамблея ООН и в целом мировое сообщество согласятся с указанными императивами, при этом не обсуждается.

В качестве негативного фактора автором оценены «новации», по смыслу которых установлена иерархия федеральных конституционных законов «по горизонтали». Так, по смыслу ст. 1 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» его нормативные положения не должны противоречить, как собственно Конституции РФ, так и «базовому» ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». В итоге, последний, являясь так же ФКЗ, уже имеет приоритетную силу как правовой акт, устанавливающий более общие параметры судебной системы России. Между тем, нет, и не может быть конкуренции между нормативными правовыми актами внутри их одного вида, поскольку этот подход разрушает основы определенности права.

Наличествующая неопределенность такой формы выражения права как международный договор межгосударственного характера, прежде всего, обусловлена посылами доктрины и установками правосознания публичных субъектов применения права. Автор критически оценивает позиции ученых, согласно которым нормы международного договора, имеющие приоритет перед внутренними законами РФ, автоматически приобретают статус конституционных норм и рассматриваются как неотъемлемая часть конституции (И.И. Лукашук, С.В. Черниченко, О.И. Тиунов). Тем самым, выделяются две автономные системы источников «равной» юридической силы: Конституция РФ и «конституционные» нормы международного договора. При этом не ясен алгоритм устранения возможных коллизий при конкуренции их предписаний. Столь же критически оцениваются подходы российской доктрины, согласно которым во внутригосударственной сфере международный договор обладает юридической силой, равной лишь силе нормативного акта, которым он ратифицирован (М.А. Пшеничников, В.А. Толстик). Считая и первое, и второе надуманным, автор обосновывает вывод о том, что, иерархическое место этой формы выражения права определено нормами ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, и именно эта константа должна стать определяющей, как в правосознании публичных субъектов применения права, так и в актах динамики права.

В состоянии неопределенности и такая форма выражения права как кодифицированный уголовно-процессуальный закон, особенно в соотношении с нормами иных федеральных законов. В силу правовых позиций высшего органа конституционного правосудия, сформулированных в постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П и определении от 8 ноября 2005 г. № 439-О, нормы УПК РФ не обладают безусловным приоритетом перед нормами иных федеральных законов. В случае конкуренции правоприменители обязаны принять во внимание: с каким («общим» или «специальным») предметом правового регулирования связана реализация уголовно-процессуального отношения; нет ли к этим отношениям «последующего» федерального закона,

нивелирующего предписания УПК РФ; не содержат ли нормы иного федерального закона дополнительных процессуальных гарантий, которые подлежат обеспечению. Как следствие, иерархическая неопределенность правовых отношений и состояний «по вертикали» дополнена иерархическими новациями «по горизонтали», что не способствует состоянию определенности в исследуемой области правовых отношений. Считая указанные позиции субъективно надуманными, автор обосновывает вывод о том, что в законе «О нормативных правовых актах Российской Федерации» следует закрепить приоритет именно кодифицированных нормативных актов.

Неопределенность проявляют и акты конституционного правосудия. В ходе анализа предмета конституционно ведения автором обоснован вывод о том, что именно эта форма выражения права отражается в качестве доминанты внутренней системы нормативных источников. Вместе с тем, автор однозначен и в том, что данные «притязания» не воспринимаются в качестве императива ни доктриной, ни правосознанием субъектов правовых отношений. Подтверждением этому выводу является неопределенность подходов к определению нормативной сути актов конституционного правосудия в правосознании судей. Последние либо в принципе не усматривают нормативной ценности в актуализации этой формы «правовых» предписаний, либо избирательно обращаются только к тем актам конституционного правосудия, которые «одобрены» нормативным толкованием Пленума Верховного Суда РФ или закреплены в качестве правовых стандартов в официальных обзорах судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ. Так, в ходе опроса судей конституционно-надзорных инстанций судов общей юрисдикции судебной системы Российской Федерации было отмечено, что акты конституционного правосудия являются легальными источниками российского уголовно-процессуального права и могут быть использованы при обосновании итоговых актов отправления правосудия (76% опрошенных судей президиумов областных судов и 68% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ); они учитываются при вынесении итоговых судеб-

ных решений (38% опрошенных судей президиумов областных судов и 36% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ). В то же время определенная часть респондентов не признает акты конституционного правосудия легальной формой выражения права и не готовы апеллировать к ним при обосновании итоговых актов суда (24% опрошенных судей президиумов областных судов и 14% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ).. Примечательно, что опрошенные судьи кассационно-надзорных инстанций судов общей юрисдикции констатируют, что в практической сфере данные акты являются серьезным фактором формирования неопределенности (в целом) системы российского уголовно-процессуального права (48% опрошенных судей президиумов областных судов и 34% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ).

Одним из средств преодоления выявленных проблем может быть принятие базового закона о нормативных правовых актах Российской Федерации, однозначно разрешающего вопросы, как легитимных элементов исследуемой системы, так и необходимой их иерархии в правовом регулировании. Резюмирован так же вывод о том, что теоретическая и нормативная определенность в этих моментах должна быть весомо дополнена должным правосознанием, установками и реальной ответственностью публичных деятелей права, в принципе не допускающих нивелирования воли закона и подмены его истинной сути субъективным усмотрением.

**Третья глава диссертации – «Акты конституционного правосудия как фактор определенности российского уголовно-процессуального права» – включает в себя два параграфа.**

*В первом параграфе – «Правовая определенность актов конституционного правосудия в системе нормативного регулирования уголовного судопроизводства России» – реализован анализ доктринальных подходов относительно юридической природы, сути, содержания и роли в текущем правовом регулировании актов Конституционного Суда РФ.*

Анализируя состояние определенности этой формы выражения права, автор констатирует следующую систему проблем и коллизий:

- налицо явная неопределенность правовой природы указанных актов, которые одновременно характеризуются и как непосредственно нормативные правовые акты (акты правотворчества), и как судебные прецеденты, и как правовые констатации, и как решения преюдициального плана, и как правовые презумпции. Известны также подходы к синергетическому объединению указанных свойств при видовой характеристике указанных актов;

- аналогична неопределенность в вопросе о правовом значении не только итоговых постановлений Конституционного Суда РФ, выносимых при разрешении спора по существу, но и «отказных» его актов (определений); особенно тех, которые вынесены с «положительным содержанием» и формируют новые нормы;

- присутствует нормативная, теоретическая и практическая неопределенность в вопросе о юридической силе и общеобязательности правовых позиций, изложенных в резолютивной и мотивировочной части этих актов;

- акцентируется неопределенность в легитимном предмете конституционной проверки (легитимном предмете ведения Конституционного Суда РФ);

- существует неопределенность в надлежащем характере взаимоотношений Конституционного Суда РФ (через его правовые позиции и итоговые выводы) с законодательной властью и системой судов общей юрисдикции;

- имеется неопределенность в вопросах об иерархическом «месте» актов конституционного правосудия в системе источников российского уголовно-процессуального права;

- применительно к динамике уголовно-процессуального права существует потребность стратегического единства (определенности) высказанных правовых позиций Конституционного Суда РФ по одному и тому же предмету проверки.

Определяясь в вопросе о «месте» актов конституционного правосудия в системе источников российского права, автор не согласен с акцентируемыми

подходами, согласно которым акты конституционного правосудия следует воспринимать как «нормы живого конституционного права». *Во-первых*, в силу «личностной» специфики официального толкования конституционных норм и, как следствие, определенного субъективизма при объективации итоговых представлений (Г.А. Гаджиев). *Во-вторых*, понимание правовой позиции Конституционного Суда РФ, как этапа познания конституционной нормы не оправдывает противоречий в сути его итоговых выводов по одному и тому же предмету (В.О. Елеонский). Напротив, правомерен вывод о том, что итоговая правовая позиция – это не сама конституционная норма, а субъективное понимание ее смысла. В актах Конституционного Суда РФ мы имеем дело не с самой конституционной нормой, а с ее субъективным пониманием, которое выступает в качестве временной истины. Выдавать субъективные смыслы познания за нормы непосредственно конституции, одновременно утверждая, что это «живое конституционное право» – есть явное умаление Конституции РФ и разрушение правовой определенности в государстве и обществе. Неприемлемо и то, что в последние годы в качестве доводов Конституционного Суда РФ выступают не явления права, а факторы национальной безопасности, национального суверенитета и иные факторы идеолого-политического характера, объективно ставящие под сомнение независимость, беспристрастность и правовой характер итоговых актов конституционного правосудия.

*Во втором параграфе – «Правовая определенность позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ в системе российского уголовно-процессуального права»* – на основе анализа несогласующихся правовых позиций Конституционного Суда РФ указана их роль в формировании режима определенности российского уголовно-процессуального права.

Признавая за Конституционным Судом РФ право на формирование новых правовых предписаний, в т. ч. в целях устранения неопределенности уголовно-процессуального права, автор однозначна в вопросе о том, что при этом обязательными для него являются исходные принципы толкования. Их

сущность заключается в том, что: *Plain Meaning Rule* – суды не должны изменять суть закона под видом его толкования; *The Mischief Rule* – смысл интерпретации состоит в том, чтобы убедиться в действительном намерении законодателя и усилить эффективность его реализации; *The Golden Rule* – суд обязан применять закон так, чтобы избежать возможности абсурдного решения. Между тем, ряд актов Конституционного Суда РФ в сфере российского уголовно-процессуального права вступают в противоречие с этими правилами.

Анализируя, в контексте *Plain Meaning Rule*, автор критически оценивает достоверность правовых позиций Конституционного Суда РФ относительно: а) невозможности принятия решения о соединении уголовных дел в судебных стадиях процесса (определения от 21 декабря 2004 г. № 416-О и от 16 марта 2006 г. № 61-О); б) исключения из числа процессуальных издержек расходов на оплату услуг представителя по делам частного обвинения (определение от 2 июля 2013 г. № 1057-О); в) нераспространения гарантий, предусмотренных ч. 4 ст. 109 УПК РФ, на случаи продления срока содержания обвиняемого под стражей при возвращении судом дела прокурору (постановление от 16 июля 2015 г. № 23-П).

Налицо в деятельности Конституционного Суда РФ и субъективные моменты в понимании сути *The Mischief Rule*. В диссертации исследуются вступающие в противоречие друг с другом правовые позиции, изложенные в актах высшего органа конституционного правосудия относительно: а) принятия судом решения о прекращении производства в случае полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения (определение от 5 июля 2000 г. № 150-О, постановление от 8 декабря 2003 г. № 18-П); б) возможности использования для обоснования обвинительного приговора предположений и вероятностных выводов (определение от 17 декабря 2009 г. № 1640-О-О, определение от 21 октября 2008 г. № 566-О-О).

В решениях Конституционного Суда РФ имеются нарушения сути. Автор критически оценивает достоверность правовых позиций Конституционного Суда РФ, нарушающих суть *Golden Rule*, относительно: а) допустимости соединения в одно производство жалобы частного обвинения и встречной жалобы обвиняемого (определение от 27 мая 2010 г. № 777-О-О); б) возможности применения по приостановленному делу меры пресечения в виде подписки о невыезде и меры процессуального принуждения в виде временного отстранения обвиняемого от должности (определения от 19 октября 2010 г. № 1364-О-О и от 29 сентября 2011 г. № 1306-О-О).

В заключение главы автор, обосновывает подходы о наличии объективной потребности в формировании легального механизма пересмотра, отмены или корректировки коллизионных правовых позиций Конституционного Суда РФ.

**Четвертая глава диссертации – «Европейская конвенция и акты ЕСПЧ как фактор определенности российского уголовно-процессуального права»** – включает в себя два параграфа.

*В первом параграфе – «Суть и значение Европейской конвенции и актов ЕСПЧ в системе нормативного регулирования уголовного судопроизводства России»* – исследуются сущность и значение Европейской конвенции и актов ЕСПЧ в системе нормативного регулирования уголовного судопроизводства России.

Определяясь в сути и назначении в российском правовом регулировании и динамике права Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Протоколов к ней и соответственно актов ЕСПЧ, автор исходит из следующих принципиальных позиций:

- ратифицировав Европейскую конвенцию, Россия *ipso facto* признала юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней;

- в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, как нормативные положения Конвенции, так и толкующие их акты ЕСПЧ являются составной частью законо-

дательства Российской Федерации, и в случае конкуренции в правовом регулировании имеют легальный приоритет (в целом) перед нормами внутреннего законодательства Российской Федерации;

- правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в итоговых актах, как правило, не совпадают с тем восприятием прав, закрепленных в Конвенции, которое характерно для национального законодательства или его наработанной практики. В итоге, чтобы обеспечить реализацию правозащитного механизма Конвенции, необходимо системное уяснение нарабатываемых правовых позиций ЕСПЧ относительно действительной сущности и содержания прав, гарантируемых, как Европейской конвенцией, так и актами Европейского Суда.

Формально указанные правила были восприняты ветвями государственной власти России, что косвенно нашло свое отражение в преамбулах к федеральным законам, актах конституционного правосудия, в толковательных актах Верховного Суда РФ. Вместе с тем, реальной «имплементации» этой формы выражения права, как в нормативную ткань уголовно-процессуального права России, так и в правосознание субъектов уголовно-процессуальных отношений реализовать не получилось. Свидетельство этому – практически полное отсутствие ссылок на правовые позиции ЕСПЧ в итоговых актах отправления правосудия системы судов общей юрисдикции, и крайне мизерное количество дел, пересмотренных в связи констатацией ЕСПЧ нарушений норм и положений Конвенции системой российского правосудия. Данное обстоятельство отражается, как в суммарных оценках, так и в итоговых установках практикующих судей относительно нормативной «ценности» этой формы выражения российского права для отправления законного и обоснованного правосудия. Так, по итогам анкетирования 46,2 % опрошенных судей президиумов областных судов и 42,2% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отметили, что опрошенных судей убеждены в том, что итоговые акты ЕСПЧ являются легитимным и прямым источником российского уголовно-процессуального права; 32,6% опрошенных судей президиумов областных судов и 34,6% судей Судебной

коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ готовы признать их легитимность при подтверждении итоговых выводов этого акта актом конституционного правосудия; 46,8% опрошенных судей президиумов областных судов и 38,4% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ 46,2% рассматривает акты ЕСПЧ в качестве источника ориентирующего характера, определяющего лишь общие ориентиры обеспечения прав и интересов заинтересованных лиц.

Для российского правоприменения достаточно скоро стало очевидным, что отдельные из решений ЕСПЧ не совпадают с правовой позицией России по рассмотренным вопросам. Указанное особенно проявилось в той степени, в которой выполнение актов ЕСПЧ обязывало государство к кардинальным изменениям в отраслевом законодательстве или наработанной правоприменительной практике. В качестве подобной коллизии автором анализируются решения Европейского Суда по делу «Илашку и другие против Молдовы и России» (жалоба № 48787/99), по делу «Кононов против Латвии» (жалоба № 36376/04).

В диссертации ставится на обсуждение правомерность вывода о том, что самой Конституции РФ «спорный» акт ЕСПЧ может и не противоречить. Проблема лишь в субъектах официального толкования норм; в достоверности, как самого процесса, так и итогов познания, публично предлагаемых государству и обществу как «... живые и конституционные нормы». Диссертантом обосновывается потребность в формировании легального и эффективного механизма проверки истинности актов конституционного правосудия (на предмет их реального соответствия Конституции); потребность в объективации действительно независимого и беспристрастного органа подобной проверки, оперирующего при этом категориями права, а не внеправовыми явлениями идеологии и политики.

*Во втором параграфе – «Правовая определенность правовых позиций и итоговых выводов актов ЕСПЧ для системы российского уголовно-процессуального права» – дан анализ наиболее «резонансных» актов ЕСПЧ и*

их реальной «имплементации» в систему уголовно-процессуального права России.

Автор приходит к выводу о том, что обращения правоприменителей к актам ЕСПЧ, если и имеют место, то лишь в тех ситуациях, когда правовые позиции и итоговые выводы последних совпадают с векторами официальной уголовной или уголовно-процессуальной политики. В наличии все более формирующаяся закономерность, проявляющаяся через субъективную избирательность российских правоприменителей в обращениях к актам ЕСПЧ, подмена их нормативного содержания субъективными смыслами, явное игнорирование неоднократно повторенных Европейским Судом правовых позиций и требований к Российской Федерации.

В диссертации исследуются правовые позиции Европейского Суда и вступающие с ними в противоречие решения Конституционного Суда РФ относительно: а) доверия к суду со стороны субъектов уголовно-процессуальных отношений (постановление ЕСПЧ по делу «Сандер против Соединенного Королевства» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 34129/96); определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2007 г. №325-О-О); б) права на справедливое судебное разбирательство (постановление ЕСПЧ по делу «Оджалан против Турции» от 12 мая 2005 г. (жалоба № 46221/99); постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2010 г. № 6-П); в) сущности принципа состязательности процесса и процессуального равенства сторон при отправлении правосудия (постановление ЕСПЧ от 6 октября 2005 г. по делу «Драон против Франции» (жалоба № 1513/03); определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 145-О); г) права на предоставление средств эффективной судебной защиты от нового обвинения (постановление ЕСПЧ от 21 февраля 2002 г. по делу «Сипавичус против Литвы» (жалоба № 49093/99); постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П).

Указанная двойственность деклараций и реальных шагов по имплементации положений Конвенции и актов ЕСПЧ в правовую систему России

наблюдается и в актах пленума Верховного Суда РФ<sup>1</sup>, а также актах-прецедентах судов общей юрисдикции. Автор приводит конкретные примеры, свидетельствующих о подобных противоречивых правовых позиций: а) в вопросах о компетенции суда к принятию властных, обязывающих решений, которые не могут быть изменены несудебными органами (постановление ЕСПЧ от 25 февраля 1997 г. по делу «Финдли против Соединенного Королевства» (жалоба № 22107/93); постановление Пленума ВС от 10 февраля 2009 г. № 1); б) в вопросах о критериях законного и обоснованного решения суда о применении к обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу (постановления ЕСПЧ по делу «Царенко против России» от 3 марта 2011 г. (жалоба № 5235/09), по делу «Сутягин против России» от 3 мая 2011 г. (жалоба № 30024/02), по делу от «Ананьев и другие против России» от 10 января 2012 г. (жалобы № 42525/07 и № 60800/08); постановление Пленума ВС от 19 декабря 2005 г. № 23).

По делу «Девеер против Бельгии» от 27 февраля 1980 г. (жалоба № 6903/75) Европейский Суд резюмировал, что в подлинно демократическом обществе «право на правосудие» представляет такую социально-нормативную ценность, что оно не может считаться утраченным единственно по причине того, что заинтересованное лицо оказалось стороной в соглашении, носящем согласительный характер. По делу «Белилос против Швейцарии» от 29 апреля 1988 г. (жалоба № 10328/83) ЕСПЧ констатировал: при оценке конвенционного права на доступ к суду и справедливому разбирательству следует принять во внимание позиции ЕСПЧ, согласно которым, чтобы орган был признан «судом» в смысле ст. 6 Европейской конвенции, в его компетенцию должно входить рассмотрение, как вопросов права, так и вопросов факта. Тем не менее, как российский законодатель, так и судебная практика однозначно исходят из того, что подсудимый, приговор в отношении которого был постановлен в порядке гл. 40 или 40.1 УПК РФ, не вправе обжаловать приговор в части, касающейся фактической стороны дела. Соот-

---

<sup>1</sup> Далее, Пленум ВС.

ветственно, суды апелляционной инстанции однозначно отказывают в подобной проверке, в т. ч. при фактическом отказе подсудимого от ранее заключенного соглашения.

По делу «Ваньян против России» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99) Европейским Судом дана принципиальная оценка оперативно-розыскной провокации как одного из основных методов работы российских правоохранительных органов по делам о незаконном сбыте (обороте) наркотических средств. Тем не менее, как свидетельствуют данные официальной статистики ни судебная власть не нашла оснований для пересмотра (тысяч) аналогичных приговоров и дел, ни сотрудники оперативных аппаратов не смогли отказаться от столь наработанной практики. В итоге практика указанных «провокаций» сформировалась в виде очередной структурной проблемы российского правоприменения; что вновь констатировано в «коллективном» постановлении ЕСПЧ «Веселов и другие против России» от 2 октября 2012 г. (жалоба № 23200/10, жалоба № 2409/07, жалоба № 556/10).

Как следствие, акты ЕСПЧ либо в принципе не воспринимаются в качестве императивных норм-предписаний, либо интерпретируются российскими правоприменителями таким образом, чтобы «соответствовать» официальным векторам идеологии и политики.

**Пятая глава диссертации – «Судебное толкование как фактор правовой определенности российского уголовно-процессуального права» – включает в себя два параграфа.**

*В первом параграфе – «Понятие, суть и значение судебного толкования как формы выражения российского уголовно-процессуального права» – исследуются понятие, суть и значение судебного толкования как формы выражения российского уголовно-процессуального права.*

Обращаясь к итогам известной дискуссии о введении в нормативную ткань российского права судебного прецедента, автор исходит из следующих (определяющих предмет и задачи исследования) положений:

- потребность в актах «нормативного» судебного толкования и судебных прецедентах – эталонах применения права – объективно вызвана проблемами, неясностью или возможностями различных вариантов применения нормы; сложностью или нечеткостью юридических формулировок; несовпадением норм, наличием бланкетных и отсылочных норм, нетипичных правовых предписаний и т. п. дефектами права;

- потребность оперативности в разрешении спора вынуждает суд обращаться к официальному судебному толкованию или к судебным прецедентам высших судебных инстанций в случае явной коллизии права, т. к. иное препятствует выполнению им конституционной функции отправления правосудия, эффективной реализации института судебной защиты;

- деятельность по толкованию норм права, в результате которой создается новая норма либо расширяется содержание существующей, не лежит в плоскости субъективных амбиций суда, претендующего на властное правотворчество. Для высших судебных инстанций эта деятельность вынужденная, необходимая. Возможность заниматься оперативным и вынужденным правотворчеством нельзя рассматривать ни как игнорирование конституционного принципа разделения властей, ни как субъективные притязания суда на максимальное расширение своих полномочий (С.М. Даровских);

- исходя из сущности и нормативного назначения Конституции РФ, все ветви власти вправе издавать правовые акты. Это легитимный способ не только проявления, но и эффективного отправления их властных и востребованных обществом полномочий, форма реализации власти. Конституция подчеркнула самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Соответственно, при выявлении пробелов или несогласованности норм, несоответствия их высшему конституционному акту судебная власть не только вправе, но и обязана предпринимать необходимые меры для разрешения возникшей коллизии и отправления правосудия.

Постановления Пленума обладают сущностными признаками нормативных правовых актов: носят общий характер; обязательны для неопреде-

ленного круга лиц; рассчитаны на неоднократное применение; действуют независимо от того, возникло или нет конкретное правовое отношение. Акты правосудия, как индивидуальные правоприменительные акты, объективно выступают в качестве формообразующего средства правовой политики; как инструмент, используемый для достижения стратегических целей и задач, реализуемого нормативного регулирования. Отсюда, в наличии в целом достаточный теоретический и нормативный базис для официального признания нормативной природы, как «нормативных» постановлений Пленума, так и прецедентов высших судебных инстанций России – не только *de lege ferenda*, но и *de lege lata* источников российского уголовно-процессуального права. Данные выводы всецело разделяются наиболее квалифицированной частью судейского сообщества России. Так, при оценке юридической сути актов Пленума Верховного Суда РФ 78% опрошенных судей президиумов областных судов и 82% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ констатировали, что «нормативные» правовые позиции пленума не только являются необходимым источником российского уголовно-процессуального права, но и на вполне законной основе должны быть приведены в качестве обоснования итоговых актов суда. При оценке юридической сути прецедентов высшей судебной инстанции (Верховного Суда РФ) 68% опрошенных судей президиумов областных судов и 76% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ указали на то, что судебные прецеденты высшей судебной инстанции государства являются эталонами применения права и всегда учитываются ими при отправлении правосудия по аналогичным делам.

Практическая сторона уголовно-процессуального права России обязана принять во внимание уточняющие акценты российской доктрины, согласно которым: (1) источником нормативного судебного прецедента могут выступать акты только высшей судебной инстанции; (2) при структурном функционировании Верховного Суда РФ в составе президиума и судебных коллегий его прецеденты не могут обладать равной юридической силой; (3) в целях

равной защиты прав и свобод, для реализации принципов законности и правовой определенности органом, призванным к обеспечению единства судебного прецедента должен быть признан Президиум Верховного Суда РФ.

*Во втором параграфе – «Правовая определенность актов высших судебных инстанций России как необходимое условие оптимальности нормативного регулирования и единства правоприменительной практики»* – представлен критический анализ правовой определенности актов Пленума Верховного Суда РФ и судебных прецедентов высших судебных инстанций применительно к динамике уголовно-процессуального права России.

В диссертации повышенное внимание уделяется анализу тех разъяснений Пленума, которыми созданы нормы, отражающие либо как явный диссонанс легальному нормативному регулированию, либо как явное противоречие, ранее высказанных пленумом позиций. Автор приводит конкретные примеры подобных противоречий при разрешении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности, если предыдущий приговор в отношении него на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу (постановления Пленума от 27 июня 2013 г. № 19, от 27 июня 2013 г. № 21); в вопросе о характере действий и решений суда применительно к ситуации, когда в ходе судебного разбирательства дела, назначенного к слушанию по правилам гл. 40 УПК РФ, выясняются обстоятельства, препятствующие его рассмотрению в особом порядке (постановления Пленума от 22 декабря 2009 г. № 28, от 5 декабря 2006 г. № 60).

В п. 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 формируется новое основание «правомерного» изъятия залога, указывая в качестве последнего противодействие обвиняемого процессу расследования. При этом, несмотря на то, что это разъяснение-норма противоречит букве закона (ч. 1 ст. 106 УПК РФ), судебная практика следует именно разъяснениям Пленума.

В отличие от воли закона, где в качестве непосредственного предмета проверки и оценки суда в кассационном и надзорном порядке указаны ис-

ключительно свойства законности окончательных актов суда, Пленум в своем постановлении от 28 января 2014 г. № 2 легализовал проверку фактической стороны приговора, а равно его справедливости. В итоге, как констатирует большинство из ученых, в судах кассационной и надзорной инстанции Российской Федерации сформирована устойчивая практика к реализации предмета проверки именно в полном объеме.

В состоянии несогласованности выступают позиции Пленума и Конституционного Суда РФ по одному и тому же предмету. Автором приводятся конкретные примеры этому: а) при рассмотрении возможности заочного разбирательства уголовного дела в отношении подсудимого, находящегося в Российской Федерации и уклоняющегося от явки в суд (определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 10002-О, постановление Пленума ВС от 22 декабря 2009 г. № 28); б) при определении правовых подходов относительно доказательственного значения фактических данных, изложенных в заявлении о явке с повинной, в ситуации, когда эти сведения были получены в отсутствие защитника, а лицо, явившееся с повинной, в дальнейшем отказалось от своих заявлений (определение Конституционный Суд РФ от 20 октября 2005 г. № 391-О, постановление Пленума ВС от 11 января 2007 г. № 2); в) при рассмотрении вопроса о возможности прекращения производства по делу при установлении оснований, предусмотренных ч. 8 ст. 302 УПК РФ (определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 510-О, постановление Пленума ВС от 27 июня 2013 г. № 19).

Нет определенности и в «однородных» судебных прецедентах. К примеру: в рамках уголовного дела следователь с согласия руководителя обращается в суд с ходатайством о разрешении получения сведений об абонентской активности в отношении неопределенного круга абонентов сети. Практике предложены следующие виды прецедентов (эталонов):

суд в удовлетворении ходатайства отказал, мотивируя свое решение тем, что получение указанных сведений в отношении неопределенного круга абонентов может нарушить их конституционные права и, следовательно, по

закону недопустимо (определение Московского городского суда от 31 октября 2012 г. по делу № 22-14798; от 22 октября 2012 г. по делу № 22-14128/12);

суд разрешил получение указанной информации в отношении неопределенного круга лиц, так как эта информация имеет значение для дела и установления лица, совершившего особо тяжкое преступление (апелляционное определение Московского городского суда от 20 марта 2013 г. по делу № 10-974).

При складывающихся тенденциях право не отражает основные свои свойства: ясность, точность, стабильность и предсказуемость, обеспечение конституционных требований равенства и единства к аналогичным правовым ситуациям. Правовая определенность формируется не волей закона или единством судебной практики, а ведомственным усмотрением заинтересованных органов и должностных лиц, в соответствии их пониманием права. В этой связи, обосновывает автор, именно Президиум Верховного Суда РФ должен быть заявлен в качестве органа, обеспечивающего и контролирующего единство судебной практики (судебного прецедента) по тем проблемам уголовного судопроизводства России, где в наличии системно объективируются несогласующиеся позиции и акты судов нижестоящей инстанции. Должен быть сформирован и практический механизм реализации идеи единства судебного прецедента, стабильности судебной практики и обеспечении, тем самым, правовой определенности в государстве и обществе. С таким выводом согласны 64% опрошенных судей президиумов областных судов и 72% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ.

**Шестая глава диссертации – «*Res judicata* окончательных актов суда как содержательный элемент идеи правовой определенности»** – включает в себя два параграфа.

**В первом параграфе – «Понятие суть и значение идеи *res judicata* в уголовном судопроизводстве России»** – раскрыты сущность и содержание принципа *res judicata* как основной гарантии правовой определенности окончательных актов суда.

Категория «*res judicata*» связана с пониманием и характеристикой окончательных актов суда в уголовном судопроизводстве России. Логическая основа этой идеи в двух максимах: «*Interest reipublicae ut sit finis litium*» (в общественных интересах, чтобы судебный процесс имел окончание) и «*Nemo debet bis vexari prouna et eadem causa*» (никто не должен представлять перед судом дважды по одному и тому же делу). Отсюда, идея *res judicata* заключается в том, что окончательно разрешенное дело не может быть пересмотрено, в отсутствие существенных, фундаментальных к тому оснований. Согласно указанным векторам и проводилась реформа кассационного и надзорного производства России (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ), проявившаяся посредством новаций от 29 декабря 2010 г. (Закон № 433-ФЗ).

Классической европейской кассации в виде ее российского аналога не получилось. В рамках кассационно-надзорной формы проверки принцип правовой определенности оказался в явной коллизии с конституционным принципом обеспечения права заинтересованных лиц на судебную защиту своих нарушенных интересов и прав. Первый, акцентируясь в правиле и следствиях идеи *res judicata*, призван к обеспечению стабильности окончательных актов суда, стабильности установленных судом правовых состояний и отношений. Второй, акцентируясь в праве граждан на судебную защиту, закреплен в качестве такого конституционного права (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ), которое не может быть ограничено ни при каких условиях.

Исходную ценность в этой связи приобретает суждение о том, что в стадии кассационного и надзорного производства противоречие между принципом *res judicata* и конституционным принципом обеспечения права на судебную защиту становится диалектическим и находит свое разрешение в согласованной процедуре пересмотра вступивших в законную силу решений (И.С. Дикарев). Единственно посредством баланса гарантий *res judicata* и реализации права на судебную защиту в рамках указанных производств, с одной стороны, сохраняется антиномичность указанных принципов, с другой – обнаруживается их функциональное единство, способность к одновременной

реализации в рамках согласованной и функциональной процедуры проверки. Основа системы этих гарантий: *во-первых*, строго ограниченный предмет кассационной и надзорной проверки; *во-вторых*, исключительные основания к преодолению сути и следствий *res judicata*.

Обращаясь к анализу предмета проверки суда в рамках исследуемых производств, автор критически оценивает позиции тех исследователей, которые выступают за восстановление полного предмета проверки (Т.Г. Бородинова, Ю.В. Кувалдина), т. к. только последний обеспечивает правосудность окончательных актов суда, идею законности, обеспечение интересов и прав заинтересованных лиц.

Солидаризируясь с позициями Н.Н. Ковтуна, обосновывается позиция, смысл которой в том, что для того, чтобы осуществить проверку законности окончательных актов суда, суд кассационной (надзорной) инстанции обязан сформировать собственное суждение о правильности установления фактических обстоятельств дела. Средством формирования этого убеждения – являются самостоятельное познание и самостоятельная правовая интерпретация вышестоящим судом непосредственно фактических обстоятельств дела. Результат познания – есть убежденность суда, как о надлежащей/ошибочной фактической оценке познанного явления нижестоящим судом, так и о правильном/неправильном применении закона к познанным фактам. Как следствие, в ходе реализации кассационно-надзорной проверки возможны следующие варианты:

- фактические обстоятельства дела/деяния, по мнению кассационного/надзорного состава суда, нижестоящим судом установлены правильно; к ним правильно применен надлежащий материальный закон. Соответственно, оснований для отмены/изменения проверяемого акта суда нет; в наличии акт *res judicata*;

- фактические обстоятельства судом нижестоящей инстанции установлены правильно (интерпретации нижестоящего суда и суда вышестоящей инстанции – совпали); однако к указанным обстоятельствам судом нижестоя-

щей инстанции неправильно применен материальный закон. Как следствие, есть основание к отмене (изменению) проверяемого акта суда – неправильное применение закона. Указанное – в рамках легитимного предмета экстраординарной проверки (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ), и при определенных условиях дает основание к опровержению *res judicata*;

- в познании вышестоящего суда суд нижестоящей инстанции неправильно установил фактические обстоятельства дела; соответственно, к ним неправильно применен материальный закон. По факту в наличии основание – несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела (ст. 389.16 УПК РФ). Но это основание в принципе не может быть применено в суде кассационной/надзорной инстанции. Вместе с тем нельзя игнорировать и суть выявленного нарушения; особенно, если оно искажает смысл правосудия, суть его итоговых актов. В этой связи, легитимным выходом из ситуации (для суда вышестоящей инстанции) является константа, по сути которой: «... вынесение правоприменительного решения в отсутствие или без учета юридически значимых фактических обстоятельств, признаваемых законом основаниями такого решения, – это и есть не что иное, как существенное нарушение (неправильное применение) закона» (И.С. Дикарев). В данной ситуации в наличии и легальное основание для опровержения *res judicata*, и следование воле закона – осуществление проверки исключительно в пределах закона.

***Во втором параграфе – «Кассационно-надзорная форма проверки как средство обеспечения баланса *res judicata* и конституционного права заинтересованных лиц на судебную защиту нарушенных интересов и прав»*** – исследованы складывающиеся закономерности практики реализации экстраординарных контрольно-проверочных производств в уголовном судопроизводстве России.

На основе изученных производств кассационно-надзорной формы проверки автор обосновывает вывод о том, что акты этой формы проверки одновременно отражают и правомерность проверки фактической стороны поста-

новленных актов суда, и категорическое отрицание правомерности подобных усилий. Указанная двойственность векторов позволяет суду одновременно использовать эту форму проверки и для реализации сугубо публичных задач обеспечения единой законности, и в качестве легитимного средства «отсева» жалоб, не содержащих существенных нарушений закона и относящихся лишь к переоценке фактической стороны дела и приговора. Автор не согласен с декларируемой целесообразностью указанной практики, т. к. она не согласуется с определенностью предмета, целей и задач анализируемой формы проверки, как формы экстраординарной. Соискатель приходит к итоговому выводу о том, что обращение к фактической стороне проверяемых актов суда, характеризуемых как *res judicata*, оправдано лишь на уровне мыслительно-логической деятельности суда кассационной (надзорной) инстанции. И они же, в силу закона, не должны проявлять себя в качестве основания (обоснования) итоговых актов этой формы проверки, т. к. в ином случае исследуемая форма объективируется в качестве ординарной формы исправления судебных ошибок, «дублируя» апелляцию.

Среди ключевых элементов исследуемой системы гарантий – пресекательные сроки пересмотра вступивших в законную силу актов суда (ст. 401.6, п. 3 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ). В нормативной конструкции этой гарантии был изначально заложен баланс конституционного принципа судебной защиты и идеи *res judicata*. Пересмотр окончательного акта суда, если и допускался, то лишь в течение года с момента вступления решения в законную силу. Однако, как Пленум Верховного Суда РФ, так и законодатель, в интересах доминирующей (в правосознании и идеологии) идеи законности, «уточнили» правила понимания и исчисления указанных сроков. Федеральным законом №518-ФЗ от 31 декабря 2014 г. ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ признана утратившей силу. Вследствие изменений сторона защиты более не ограничена пресекательным сроком обжалования окончательных актов суда и инициации экстраординарной отмены (изменения) приговора, вступившего в законную силу.

Доктрина неоднократно приводила примеры, согласно которым экстраординарная форма кассационной судебной защиты реализовывалась (в полном объеме) в отношении окончательных актов суда, вступивших в законную силу, от десяти и более лет. При этом «разумные» объяснения к указанной практике, как правило, сводились к доводам-декларациям об императивной необходимости исправления судебной ошибки, обеспечению публичной правосудности итоговых актов суда, обеспечению законности и единства судебной практики. Данная установка является в качестве определяющей и в правосознании судей, реализующих процесс кассационной или надзорной проверки в современном уголовном процессе. Свидетельством тому ответы опрошенных нами судей, согласно которым в действующей системе кассационной и надзорной проверки окончательных актов суда доминируют идеи: (1) публичной законности, в силу которой любое нарушение закона должно быть устранено в ходе указанных форм проверки (54,2% опрошенных судей президиумов областных судов и 56,4% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ); (2) обеспечения максимальной судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц (68,7% опрошенных судей президиумов областных судов и 64,\*% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ); (3) неопровержимости и стабильности окончательных актов суда (12,8% опрошенных судей президиумов областных судов и 16,4% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ). И, напротив, довод о том, что идея правовой определенности на этом этапе предполагает оптимальный баланс идеи *res judicata* и конституционного принципа максимальной судебной защиты поддержана 34,6 % опрошенных судей президиумов областных судов и 28,4% судей Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ. По мнению автора, данные подходы в принципе не отвечают ни сущности исследуемого баланса, ни декларируемой сущности *res judicata*.

В системе баланса гарантий: процедура предварительного изучения жалобы управомоченным судьей (п. 1 ч. 2 ст. 401.8, п. 1 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ),

имеющая своим назначением установление надлежащих оснований для постановки дела и жалобы на рассмотрение по существу в суде кассационной/надзорной инстанции. Акты *res judicata* не могут пересматриваться в силу одного обращения заинтересованных лиц, требуют установления таких процедур и условий пересмотра, которые отвечали бы требованиям правовой определенности. Отсюда, основания вынесения решений по итогам предварительного изучения жалобы (п. 6 ч. 1 ст. 401.11, п. 6 ч. 1 ст. 412.8 УПК РФ) должны быть тождественны основаниям кассационной отмены (изменения) окончательных актов суда. Соответственно, при правильной постановке процесса предварительного изучения жалобы и должном правосознании судей, реализующих процедуры этой проверки, установленных законом гарантий, достаточно и для инициации реальной судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц, и для обеспечения незыблемости *res judicata*. Между тем, практика реализации данного этапа проверки модифицировала эту гарантию, все более являя тенденции, когда дело и жалоба ставятся на проверку по существу при инициативном установлении любого из нарушений закона; в т. ч. при фактической необоснованности проверяемого акта суда.

В качестве гарантии баланса принципов *res judicata* и принципа обеспечения судебной защиты установлено правомочие Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя не согласиться с постановлением судьи об отказе в передаче жалобы на рассмотрение в суд кассационной/надзорной инстанции и внести это дело своим решением на рассмотрение суда вышестоящей инстанции (ч. 3 ст. 401.8, ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ). Это правомочие может быть реализовано лишь при наличии соответствующего обращения лица, выступавшего инициатором подачи жалобы (постановление Конституционного Суда от 5 февраля 2007 г. № 2-П). Тем не менее, судебная практика нарабатывает иные закономерности в реализации этого правомочия. Исследование дает основание для вывода, согласно которому в Верховном Суде РФ сложилась стойкая и сугубо инициативная практика отмены незаконных постановлений судей об отказе в передаче кассационных и надзорных жалоб для рас-

смотрения в судебном заседании соответствующего суда, и передачи в связи с этим жалоб, представлений на рассмотрение другому судье (И.С. Дикарев, В.А. Давыдов).

В том же ряду предложения о наделении исследуемыми процессуальными полномочиями (ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ) как председателей верховного суда республики (краевого, областного суда...), так и их заместителей. Между тем, подобные предложения лишены материальной основы. Законодательное закрепление указанных предложений, *во-первых*, неосновательно расширит круг лиц, фактически иницирующих процесс экстраординарной кассационной проверки, нивелирует суть *res judicata*; *во-вторых*, приведет к искусственному доминированию не столько института обеспечения судебной защиты, сколько сугубо публичного стремления к установлению официальной законности в известном публичном ее понимании.

В контексте обеспечения баланса *res judicata* и принципа обеспечения судебной защиты автор подверг анализу запрет закона к внесению повторных или новых кассационных жалоб по тем же или иным основаниям, теми же или иными кассаторами в тот же суд кассационной инстанции; при условии, что ранее эти жалоба, представление в отношении одного и того же лица уже рассматривались этим судом в судебном заседании либо были оставлены без удовлетворения постановлением судьи (ст. 401.17 УПК РФ). В этой гарантии заложен баланс, с одной стороны, идеи *res judicata*, согласно которой исключена возможность к перманентным проверкам окончательного акта суда в одной и той же судебной инстанции при наличии: (1) акта судьи об отказе в постановке этого дела и акта на рассмотрение по существу (п. 1 ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ); (2) итогового акта суда кассационной инстанции, констатировавшего незыблемость акта *res judicata* по итогам разбирательства по существу. С другой стороны, содержание этой нормы не препятствует тому, чтобы жалоба и дело были еще раз проверены в суде вышестоящей кассационной инстанции – что есть весомая гарантия конституционного принципа судебной защиты.

Как указывают результаты проведенного исследования, практика кассационно-надзорной формы проверки и в этом моменте модифицировала волю закона и общий контекст реализуемой экстраординарной проверки. Наиболее точно суть этих модификаций отражена в позициях В.А. Давыдова, констатирующего, что повторные кассационные жалобы подлежат рассмотрению в общем порядке, но другим судьей соответствующего суда. Оправдано и то, что по итогам изучения жалобы у судьи может быть совершенно иное мнение относительно правосудности проверяемых актов суда. Не препятствует инициации кассационного пересмотра по существу в указанном случае и наличие «отказного» постановления иного судьи, в силу чего нет потребности и в его процессуальной отмене. Что же касается новых жалоб, то они подлежат рассмотрению и без указанных оговорок, по общим правилам, как это имело место до 1 января 2013 г. (Закон № 433-ФЗ) в надзорном производстве. Согласно этим идеям и установкам в процессуальной форме кассационной проверки вновь доминирует идея публичной законности и публичной правосудности приговора.

Гарантией *res judicata* призваны быть основания отмены/изменения окончательных актов суда по итогам проверки. Впервые в действующем регулировании законодатель, восприняв акты ЕСПЧ и акты конституционного правосудия, дифференцирует указанные основания на существенные и фундаментальные. Первые – закреплены в ст. 401.15 УПК РФ; вторые – в ст. 401.6 УПК РФ; первые – связаны с существенными нарушениями закона, повлиявшими на исход дела; вторые – отражают нарушения, которые не только повлияли на исход дела, но и исказили саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Назначение этой дифференциации принципиально, так как первые раскрывают критерии оснований для отмены/изменения состоявшихся актов суда в интересах стороны защиты; вторые – критерии возможного *reformatio in peius* в положении осужденного, оправданного. В силу последнего гарантии *reformatio in peius* должны быть несравненно весомей. Однако в реалиях исследуемой формы проверки судьи

при обосновании итоговых актов в основном обращаются к нормам ст. 389.17 УПК РФ. Эта закономерность все более акцентируется в качестве определяющего основания исследуемой формы проверки. Эта проблема не столько в дефектах закона, сколько в векторах правосознания и установок конкретного состава суда, в принципе не считающего для себя императивом дополнительно обосновывать критерии существенности или фундаментальности, которые оговорены уголовно-процессуальным законом и единственно содержат основания преодоления *res judicata*.

Гарантией *res judicata* следует считать и норму закона, согласно которой в случае равенства голосов судей, участвовавших в рассмотрении жалобы по существу и голосовании непосредственно в суде кассационной (надзорной) инстанции (ч. 9 ст. 401.13, ч. 8 ст. 412.10, ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ), окончательный акт суда признается не подлежащим отмене. Ряд ученых-процессуалистов видит в указанном, как нарушение баланса правовой определенности и права на судебную защиту, так и игнорирование презумпции невиновности обвиняемого (В.А. Давыдов, И.С. Дикарев). Соответственно, высказываются предложения, что эта норма нуждается в изменении и «подсчет» голосов должен осуществляться в сторону благоприятствования осужденному. Между тем, в соответствующих предложениях по изменению закона или ориентации практики проявляется доминирование идеи законности и полное отрицание ценности *res judicata*. Не принимается во внимание и очевидность того, что существенные или фундаментальные основания надзорно-кассационной отмены окончательных актов суда не отражались по итогам проверки столь убедительно, чтобы сформировать в правосознании судей достаточную убежденность, как в неправосудности проверяемых актов суда, так и потребность к их постановке на еще одно разбирательство по существу.

Как заключение реализованного анализа автор обосновывает, что в антиномии идеи *res judicata* и конституционной идеи максимальной судебной защиты доминирующей, как в правосознании судей, так и в процедурах и

итогах исследуемой формы проверки оказалась последняя. Указанное доминирование, несмотря на публичные декларации, выражается в стремлении обеспечить состояние единой законности, при которой любое из нарушений закона признается неприемлемым для акта отправления правосудия. Как следствие, законодательно ограниченный предмет экстраординарной кассационно-надзорной проверки и оценки суда фактически нивелирован, как «теоретическими» декларациями доктрины, так и практическими усилиями кассационно-надзорных инстанций, по всесторонней оценке, и проверке, как фактической, так и юридической стороны проверяемых актов суда. Соответственно, реально обеспечено лишь состояние публичной определенности права, которое всемерно поддерживается и одобряется властью и системой судебных органов.

**В заключении** кратко подведены итоги реализованного исследования; сформулированы выводы и рекомендации, отражающие его основные результаты; намечены перспективы дальнейшей разработки темы и предмета исследования.

**В приложении № 1** содержится проект федерального закона по изменению и дополнению норм УПК РФ (в контексте обеспечения правовой определенности действующей кассационно-надзорной формы проверки).

**В приложении № 2** приводятся результаты опроса судей кассационно-надзорных инстанций судов общей юрисдикции судебной системы Российской Федерации по проблемам правовой определенности российского уголовно-процессуального права.

**Основные научные положения диссертации  
опубликованы в следующих работах:**

**Монографии**

1. Сидоренко, М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (состояние и постановка проблемы): моногр. / М.В. Сидоренко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 408 с. – 25,5 п. л.

2. Сидоренко, М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (понятие, сущность и содержание): моногр. / М.В. Сидоренко. – М.: ИП Дедкова, 2016. – 80 с. – 4,3 п. л.

**Статьи, опубликованные в журналах,  
входящих в международные реферативные базы данных  
и системы цитирования**

3. Сидоренко М.В. Возмещение вреда в системе института реабилитации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / М.В. Сидоренко // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». 2017. №. 24. – С. 112-118. – 0,35 п.л. (**Web of Science (ESCI)**).

4. Сидоренко М.В. Коллизии источников российского уголовно-процессуального права в контексте определенности их иерархии / М.В. Сидоренко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 101-106. – 0,55 п.л. (**Web of Science (ESCI)**).

**Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых  
журналах и изданиях, указанных в перечне ВАК**

5. Сидоренко М.В. Формирование и применение судебного прецедента в уголовном судопроизводстве России / М.В. Сидоренко // Мировой судья. – 2018. – № 3. – С. 21-25. – 0,4 п.л.

6. Сидоренко М.В. Надзорно-кассационная форма проверки окончательных актов суда в контексте реализации идеи «*res judicata*» / М.В. Сидо-

ренко // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 145-147. – 0,35 п.л.

7. Сидоренко М.В. О коллизиях в правовых позициях, сформированных в актах конституционного правосудия / М.В. Сидоренко // Социально-политические науки – 2018. – № 1. – С. 75-77. – 0,3 п.л.

8. Сидоренко М.В. Правовые позиции актов конституционного правосудия в контексте правила «Plain Meaning Rule» / М.В. Сидоренко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 1. – С. 65-69. – 0,4 п.л.

9. Сидоренко М.В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека в интерпретациях и актах публичных органов российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Юридическое образование и наука. – 2017. – № 8. – С. 15-19. – 0,4 п.л.

10. Сидоренко М.В. Подзаконные нормативные правовые акты в контексте определенности российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Мировой судья. 2017. № 7. – С. 31-35. – 0,35 п.л.

11. Сидоренко М.В. Правовая определенность правовых позиций Европейского Суда по правам человека для системы российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017 – № 5. – С. 6-9. – 0,4 п.л.

12. Сидоренко М.В. Судейское усмотрение и судейский активизм в контексте определенности российского права // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС). Международный журнал. – 2017. – № 4. – С. 75-79. – 0,3 п.л.

13. Сидоренко М.В. К дискуссии о содержательных элементах категории «правовая определенность» в российском праве (часть 2) / М.В. Сидоренко // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. – 2017. – № 3. – С. 143-146. – 0,35 п.л.

14. Сидоренко М.В. Коллизии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов / М.В. Сидоренко //

Общество и право: научно-практический журнал. – 2017. – № 2. – С. 166-170. – 0,4 п.л.

15. Сидоренко М.В. Коллизии процессуальной формы доказывания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / М.В. Сидоренко // Российский следователь. – 2017. – № 2. – С. 16-19. – 0,35 п.л.

16. Сидоренко М.В. К дискуссии о содержательных элементах категории «правовая определенность» в российском праве (часть 1) / М.В. Сидоренко // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. – 2017. – № 2. – С. 171-174. – 0,4 п.л.

17. Сидоренко М.В. Правовая определенность статики и динамики российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 5. – С. 323-329. – 0,4 п.л.

18. Сидоренко М.В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ в системе обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 88-93. – 0,4 п.л.

19. Сидоренко М.В. Правовые коллизии норм, регламентирующих отдельные виды дознания в уголовно-процессуальном законодательстве / М.В. Сидоренко // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 160-163 – 0,3 п.л.

20. Сидоренко М.В. О правовой определенности статуса лиц, в отношении которых фактически реализуется уголовное преследование / М.В. Сидоренко // Российский следователь. – 2016. – № 5. – С. 23-25. – 0,3 п.л.

21. Сидоренко М.В. Правовая определенность через призму законодательных ошибок уголовно-процессуального права России / М.В. Сидоренко // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 36-38. – 0,35 п.л.

22. Сидоренко М.В. Коллизии уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. – № 3. – С. 113-117. – 0,5 п.л.

23. Сидоренко М.В. Правовая определенность как фундаментальная общеправовая идея: понятие, сущность и назначение / М.В. Сидоренко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2016. – Т. 16. – №. 3. – С. 45-51. – 0,4 п.л.

24. Сидоренко М.В. Предмет экстраординарной кассационной проверки как отражение свойства *res judicata* / М.В. Сидоренко // Вестник Тверского государственного университета: научный журнал. Серия «Право». – 2016. – № 3. – С. 18-23. – 0,3 п.л.

25. Сидоренко М.В. Правовая определенность системы российского уголовно-процессуального права: методическая константа проблемы (часть 2) / М.В. Сидоренко // Общество и право: научно-практический журнал. – 2016. – № 3. – С. 128-132. – 0,4 п.л.

26. Сидоренко М.В. Судебный прецедент как средство обеспеченности определенности уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 93-98. – 0,4 п.л.

27. Сидоренко М.В. Правовая определенность системы российского уголовно-процессуального права: методическая константа проблемы (часть 1) / М.В. Сидоренко // Общество и право: научно-практический журнал. – 2016. – № 2. – С. 244-249. – 0,5 п.л.

28. Сидоренко М.В. Свойство *res judicata* как отражение правовой определенности окончательных актов суда / М.В. Сидоренко // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. – 2016. – №. 1. – С. 74-76. – 0,3 п.л.

29. Сидоренко М.В. Рассмотрение разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации с позиций *res judicata* кассационной проверки / М.В. Сидоренко // Общество и право: научно-практический журнал. – 2016. – № 1. – С. 211-214. – 0,3 п.л.

30. Сидоренко М.В. Конституционное правосудие в контексте сути и содержания фундаментальной идеи определенности права / М.В. Сидорен-

ко // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 6. – С. 150-153. – 0,4 п.л.

31. Сидоренко М.В. Конкретизация закона посредством актов конституционного правосудия как средство преодоления неопределенности уголовно-процессуального права России / М.В. Сидоренко // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 5. – С. 39-41. – 0,3 п.л.

32. Сидоренко М.В. Правовая определенность как предмет правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда России / М.В. Сидоренко // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 5. – С. 152-154. – 0,3 п.л.

33. Сидоренко М.В. О системе источников российского уголовно-процессуального права и их иерархии в контексте идеи определенности права / М.В. Сидоренко // Общество и право: научно-практический журнал. – 2015. – № 4. – С. 213-217. – 0,35 п.л.

34. Сидоренко М.В. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации как средство обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. – 2015. – № 4. – С. 160-163. – 0,3 п.л.

#### **Статьи, опубликованные в иных научных изданиях**

35. Сидоренко М.В. «Особые случаи» конституционного познания норм в практике высшего органа конституционного правосудия России / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – С. 178-184. – 0,4 п.л.

36. Сидоренко М.В. О закреплении в российском уголовно-процессуальном законодательстве судебного прецедента / М.В. Сидоренко //

Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Караганда: Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 2018. – С. 73-74. – 0,2 п.л.

37. К вопросу о конкуренции норм уголовно-процессуального кодекса и иных федеральных законов Российской Федерации / М.В. Сидоренко // Конституционная реформа и модернизация общественного сознания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (в рамках VII Сапаргалиевских чтений, Алматы, 16 марта 2018 г.). – Алматы: Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева, 2018. – С. 112-116. – 0,25 п.л.

38. Сидоренко М.В. Правило «The mischief rule» в деятельности и актах российского конституционного правосудия / М.В. Сидоренко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2017. – Спец. выпуск. – С. 64-67. – 0,4 п.л.

39. Сидоренко М.В. Судебный прецедент как фактор правовой определенности российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Эволюция государства и права: история и современность: материалы II Междунар. науч.-практ. конфер. – Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2017. – С. 449-452. – 0,25 п.л.

40. Сидоренко М.В. Правовые позиции актов конституционного правосудия в доктрине российского права / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2017: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск: Цицеро, – 2017. – Ч. II. – С. 167-171. – 0,3 п.л.

41. Сидоренко М.В. Правило «The Golden Rule» как фактор определенности актов конституционного правосудия в уголовном судопроизводстве России / М.В. Сидоренко // Проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и судебной экспертизы в современном мире: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конфер. – Краснодар: Северо-Кавказский филиал РГУП, 2017. – С. 205-212. – 0,4 п.л.

42. Сидоренко М.В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно порядка возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2017. – С. 221-225. – 0,3 п.л.

43. Сидоренко М.В. Правовая определенность «судебного» толкования права как средство обеспечения оптимального уголовного судопроизводства России / М.В. Сидоренко // Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 55-летию доктора юридических наук, профессора О.А. Зайцева. – М.: МАЭП, 2016. – С. 264-273 – 0,6 п.л.

44. Сидоренко М.В. К вопросу о правовой определенности системы уголовно-процессуального права в Российской Федерации / М.В. Сидоренко // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко. – М.: МГИМО (У) МИД России; МАЭП, 2016.– С. 63-69.– 0,3 п.л.

45. Сидоренко М.В. Правовые коллизии в судебном производстве по уголовному делу / М.В. Сидоренко // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (20-21 октября 2016 г.) – Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, 2016. – С. 332-336.– 0,25 п.л.

46. Сидоренко М.В. К вопросу о правовых позициях Конституционного Суда РФ в контексте определенности системы уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Право, наука, образование: традиции и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию образования Саратовской государственной юридической академии ( в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29-30 сентября

2016 г.). – Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2016. – С. 387-388. – 0,2 п.л.

47. Сидоренко М.В. О понятии и содержании категории «правовая определенность» в российском праве / М.В. Сидоренко // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 186-194. – 0,4 п.л.

48. Сидоренко М.В. Система гарантий стабильности и исполнимости окончательных актов суда в контексте реализации контрольно-проверочных производств в российском уголовном процессе / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2016: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск: Цицеро, 2016. – Ч. II. – С. 288-291. – 0,25 п.л.

49. Сидоренко М.В. О правовой определенности некоторых источников уголовно-процессуального права Российской Федерации / М.В. Сидоренко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Сер. Государство и право. – 2015. – № 20. – С. 48-50. – 0,4 п.л.

50. Сидоренко М.В. К вопросу о неопределенности права в деятельности Конституционного Суда РФ и его итоговых результатах / М.В. Сидоренко // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (25 сентября 2015 г.): в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2015. – Т. I. – С. 210-213. – 0,2 п.л.

51. Сидоренко М.В. О необходимости введения в нормативное содержание российского уголовно-процессуального права судебного прецедента / М.В. Сидоренко // Развитие права: актуальные проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конфер. – Моздок, 2015. – С. 224-227. – 0,15 п.л.

52. Сидоренко М.В. К вопросу о правовой неопределенности системы источников российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, кри-

миналистики и криминологии: материалы Междунар. науч.-практ. конфер. – М., 2014. – С. 42-45. – 0,25 п.л.

53. Сидоренко М.В. О роли и назначении решений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в системе источников российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии: материалы Междунар. науч.-практ. конфер. – М., 2014. – С. 45-48. – 0,25 п.л.

**Сидоренко Мария Васильевна**

**ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ  
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕДУАЛЬНОГО ПРАВА**

**Автореферат**

диссертации на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Подписано в печать \_\_ \_\_\_\_\_.2018. Формат 60×84/16.

Печать трафаретная.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. 1,1. Уч.-печ. л. 1.3.

Тираж 120 экз. Заказ № \_\_

Тираж изготовлен с оригинал-макета заказчика